

А. ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

Третья прилогия

Око силы

Андрей Валентинов

Вызов

«Автор»

1997

Валентинов А.

Вызов / А. Валентинов — «Автор», 1997 — (Око силы)

Схватка с силами Зла, не желающими терять власть над огромной страной, продолжается. Потери в этой схватке неизбежны. Но Николай Лунин не теряет надежды. Спасая таинственную гостью из прошлого, он укрывает ее в странном месте вне пространства и времени - убежище, где в годы сталинских репрессий прятались многие старые большевики. Тем временем дхар Фрол Соломатин возвращается к своему народу, десятилетия назад укрывшемуся в глухих уральских лесах, - быть может, древние легенды дадут ему в руки оружие, способное противостоять могущественному врагу?

© Валентинов А., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Глава 1. Гости	6
Глава 2. Расставание	17
Глава 3. Ольга	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Валентинов

Вызов

Око Силы. Третья трилогия

1991–1992 годы

Книга восьмая

Глава 1. Гости

Сухие ломкие листья устилали аллеи старинного кладбища, каким-то чудом уцелевшего почти в самом центре Столицы. Осенний воздух был свеж и неожиданно чист. Страшный Год Перемен, от Рождества Спасителя 1991-ый, провожал очередную жертву. Земля Столицы принимала своего блудного сына – барона Михаила Корфа.

Людей собралось неожиданно много. Появившиеся словно из-под земли распорядители с черно-красными повязками привычно группировали и сортировали скорбящих, отсеивали чистых от нечистых, лишний раз доказывая, что воспетого в песнях и гимнах равенства не существует даже здесь, среди печальных мраморных ангелов и полуразбитых крестов со стершимися надписями.

Келюса и Фрола оттеснили почти сразу – они не успели даже подойти к наглухо закрытому гробу. Друзья никак не ожидали, что у погибшего барона окажется столько почитателей, пришедших в этот день на покрытые золотыми листьями аллеи.

Еще два дня назад все было по другому. В пределах городских кладбищ получить место не представлялось возможным. Николай засел за телефон, обзванивая уцелевших знакомых деда, но те лишь жаловались на времена, сетуя, что теперь даже бывшим членам ЦК дальше колумбария не Донском не пробиться. Мик порывался звонить в канадское посольство, и Лунину с большим трудом удалось его отговорить.

Между тем, в Столицу вернулись родители Мика. Плотников-старший, совершенно сбитый с толку случившимся, в свою очередь сел за телефон и выбил несколько квадратных метров на кладбище у деревни Гнилуши за Кольцевым шоссе. Оставалось достать деньги на похороны, и тут внезапно, за двое суток до этого холодного дня, все изменилось. Отцу Мика позвонили из канцелярии Президента. Такое уже случалось, ибо отрасль, которой управлял Николай Иванович Плотников, была не последней в державе. Но на сей раз чиновник из Белого Дома передал от имени Президента глубокие соболезнования, сообщив, что государство, учитывая выдающиеся заслуги стойкого борца за российскую демократию канадского гражданина Михаила Модестовича Корфа, берет все заботы о похоронах на себя. Плотников-старший, до сих пор не веривший до конца в неизвестно откуда появившегося и столь же таинственно сгинувшего кузена, решил уже ничему не удивляться.

Итак, похороны были государственными, и для барона тут же нашлось место в одной из тихих аллей старинного кладбища Столицы. Чьи-то руки поместили объявление о предстоящей церемонии не только в городские, но и в центральные газеты, и даже ведущий вечерних теленовостей уделит этому событию несколько секунд драгоценного эфирного времени.

...Полированный дубовый гроб с намертво привинченной крышкой утопал в венках, увитых трехцветными лентами. Поверх лежала офицерская фуражка советского образца, но также с трехцветной кокардой. Один из венков выделялся особо – венок от Президента. Возлагал его высокий сухопарый военный с колодкой орденских лент – Келюс сразу же узнал полковника Глебова.

Начался митинг. Появившаяся в последнюю минуту Калерия Стародомская произнесла грозную инвективу в адрес коммунистических недобитков, с которыми всю жизнь боролся покойный. Неназванный капитан в штатском в изящных, но туманных выражениях отметил вклад барона в безопасность державы. Несколько пришедший в себя Плотников-старший сказал слово от имени семьи. О самом Корфе он говорил мало, зато привел удачный, хотя и несколько тяжеловесный пассаж о развитии российско-канадского экономического сотрудничества в области конверсии.

Представитель канадского посольства, прибывший после настоящего приглашения из Министерства иностранных дел, произнес речь с чуть заметным украинским акцентом, вос-

хвалая воскресшую российскую свободу, не упомянув, впрочем, что провожает в последний путь своего соотечественника. То, что никакого канадского гражданина Михаила Корфа не существует, в посольстве знали, но отказаться от приглашения не решились. Только Мик едва не испортил всю церемонию, обратившись к покойному «дядя Майкл» и пообещав перестрелять всех сволочей, в том числе и стоящих поблизости. Его тут же оттерли в сторону, и на трибуну взошел осанистый господин в дорогом пальто, оказавшийся представителем Столичного Дворянского Собрания. Он воспарил к вершинам генеалогического древа покойного, а затем подробно остановился на задачах дворянства в деле возрождения Великой России. Когда его сменил крепкий молодчик в черном зипуне – делегат патриотической организации, – Лунин понял, что пора уходить. Фрол не стал возражать, и они начали пробираться сквозь толпу.

– Жаль барона, – вздохнул дхар, когда друзья наконец выбрались на свободную аллею и Николай остановился, чтобы закурить. – Хороший был мужик. Не уберегли, елы!..

Келюс лишь кивнул – от виденного и слышанного его слегка утило.

– Да разве такого убережешь! – вздохнул Фрол. – Эх, устроили здесь, елы, цирк! И вообще...

Договорить он не успел. Откуда-то из боковой аллеи появился невысокий человек в пальто, но с выправкой, скрыть которую было невозможно. Фрол умолк, человек в пальто посмотрел зачем-то по сторонам, внимательно оглядел обоих и, остановившись взглядом на Келюсе, решительно произнес:

– Прошу прощения, господа. Господин Лунин? Николай Андреевич?

– Я – Лунин, – вздохнул Келюс. Подобные вопросы в последнее время перестали его удивлять.

– Покорнейше прошу простить. Не соблаговолите ли отойти со мной на несколько слов?

– А он, покорнейше вас, не соблаговолит, елы, – внезапно вмешался Фрол, не торопясь вынимая руки из карманов. – Это я сейчас, в карету, соблаговолю. Могу два раза, если понравится.

– Перестань, Фроат, – поморщился Лунин, но дхар покачал головой и не сдвинулся с места.

Человек в пальто явно не ожидал такого поворота событий и, отступив на пару шагов, сунул руку в карман.

– Ох и сделаю я его сейчас, Француз, – негромко процедил Фрол. – Ох и сделаю, елы! Ох, помяну Михаила!

– Отставить!

Негромкий сильный голос прозвучал откуда-то сбоку. Лунин поспешил оглянуться. На аллее стоял еще один неизвестный в сером плаще-тренче и мягкой велюровой шляпе. Впрочем, и в этом случае штатская одежда могла обмануть разве что чрезвычайно наивного человека.

– Вы ошибаетесь, господа, – неизвестный усмехнулся, – мы не чекисты. Господин Лунин, ежели соблаговолите меня выслушать, я предъявлю свои верительные грамоты.

– И этого соблаговолить, что ли? – буркнул Фрол, но Келюс почувствовал, что неизвестный говорит правду. Да и голос, спокойный, твердый, привыкший командовать, внезапно напомнил ему голос барона.

– Признаюсь сразу, – продолжал человек в тренче, подходя поближе, – в кармане у меня браунинг. Но – слово офицера – он менее всего предназначен для знакомства с вами.

– Вы обещали показать верительные грамоты, – напомнил Келюс, вглядываясь в лицо незнакомца. Тот был едва ли намного старше покойного Корфа, но резкие морщины на лбу и легкая седая прядь, выбивавшаяся из-под шляпы, говорили, что прожил он свои годы непросто.

– Охотно, – согласился незнакомец. – Они у меня во внутреннем кармане пиджака. Если моего слова недостаточно, можете достать сами.

– А мы не гордые!

Фрол собрался было последовать совету, но Николай отвел его руку и выжидательно поглядел на неизвестного.

– Рад за вас, господин Лунин. У вас превосходная охрана.

Из внутреннего кармана был извлечен конверт и передан Келюсу. Внутри оказалась большая – кабинетная – фотография, на которой фотограф Слипаков из Харькова, чья фамилия и адрес вились золотом на паспарту, увековечил двух молодых офицеров на фоне пышных драпировок и обязательной пальмы в углу.

– Я, вообще-то, – слева, – пояснил человек в тренче. – Если хотите, могу снять шляпу.

– Не надо, – Келюс всмотрелся в снимок. Слева, без всякого сомнения, действительно стоял их собеседник. Правда, не в тренче и не в шляпе: черный мундир плотно облегал невысокую сильную фигуру, такая же черная, с белым кантом, фуражка была сдвинута на затылок, рука сжимала стек, на груди отблескивал Терновый Венец Ледяного похода. А рядом...

– Так это же барон! – ахнул Фрол, тыча пальцем в карточку. – Елы, во дает!

На Михаиле Корфе ладно сидел такой же черный мундир, в руке красовался стек, а на голове – лихо заломленная фуражка. На груди рядом с Терновым Венцом темнели два небольших креста – Владимира и Анны.

– Михаила как раз выписали из госпиталя...

– Красиво, – одобрил Фрол. – Только... Как бы это, елы, чтоб не обидно... Михаила-то мы узнали, да и вас, товарищ... Или не товарищ, уж извините, признать можно. Но ведь это, прощение просим, фотка.

– Это – что? – не понял неизвестный.

– Фотографическая карточка, – Келюс вложил снимок обратно в конверт. – Брось, воин Фроат, гэбэшникам такие игры ни к чему.

– Желаете получить дополнительные разъяснения? – неизвестный с интересом покосился на Фрола.

– Это точно, желал бы, елы, – подтвердил тот, оглянувшись назад. Человек в пальто по-прежнему стоял на том же месте, делая вид, что все происходящее его не интересует.

– Вы вот что, – решил дхар. – Скажите своему, у которого, елы, тоже в кармане, чтоб не двигался.

– Он не двинется. Что бы вы желали узнать?

– А сейчас узнаю, – Фрол вытянул обе руки вперед. Глаза незнакомца сузились, но он не сдвинулся с места. Дхар несколько раз провел руками по воздуху, взмахнул ладонями, словно сбрасывая невидимые капли воды...

– Ну что? – осведомился Келюс, единственный из всех присутствующих, кроме самого дхара, понимавший смысл этой пантомимы. – Какое поле, кудесник, любимец богов?

– Такое – как у Михаила. Не наши, елы. И не ярты. Так что извините, ежели что...

– Не за что, – чуть заметно, уголками губ, улыбнулся незнакомец. – На такое мессмерическое алиби я, право, и не рассчитывал. Позвольте, однако, отрекомендоваться: генерал-майор Тургул Антон Васильевич. А этот господин, у которого, как вы изволили справедливо заметить, тоже что-то есть в кармане, – поручик Ухтомский. Прошу знакомиться.

– Извините, господа, – подал голос Ухтомский. – Я, кажется, вел себя как-то не так. Но, ради Бога, неужели я похож на чекиста?

– Не похож, – сдался Фрол. – Это у меня уже чердак едет. Извиняй, поручик. Я Солома-тин. Фрол, в общем.

– Виктор, – представился поручик, и в знак примирения они обменялись рукопожатием.

– Мы здесь второй день, – продолжал Тургул. – Нечто вроде спасательной партии...

– Где же вы раньше ходили, такие хорошие? – вздохнул дхар.

– Нам обрубili Канал, – тихо ответил Тургул. – Нас обманули. Но ведь штаб, господин Соломатин! Господа профессора с их, извините, теориями о перерождении большевизма!.. И вот – Михаила бросили, а все концы здесь.

– Видели, – кивнул Фрол. – Скантр, в карету его, адская машина!

– Да, скантр. А без него стучи – не достучишься. Я бы за Михаила не только этих умников в штабе на штыки поднял! Да толку-то... Спасибо Тернему, за две недели сообразил. Теперь у нас свой Канал, так что – поглядим, господа краснопузые! Впрочем, – оборвал он себя, – об этом еще успеется. Вышли мы на вас, господин Луниин, через Славика Говоруху. Хотя – Боже мой, какой он теперь Славик! Сюда он не приехал: сердце... Да и правильно сделал. Вы, господа, этого, из Союза Дворянства, видели?

Луниин и дхар многозначительно переглянулись.

– Попался бы он нам где-нибудь под Ростовом, правда, князь?

– Шомполовали бы, – пожал плечами Ухтомский.

– Так ты чего – еще и князь? – недоуменно моргнул Фрол.

– Помилуйте, господин Соломатин, – заступился Тургул. – Ну в чем Виктор виноват? Между прочим, поручик – Георгиевский кавалер, два солдатских «Егория».

– Да ладно, – смиростивился Фрол, – просто у нас князья – те больше в сказках...

– ...или в Дворянском Собрании, – закончил Келюс. – Пойдемте, господа. Разговаривать у меня в квартире, пожалуй, не стоит, а выпить можно. Помянем...

– Мне бы хотелось познакомиться с тем молодым человеком, – заметил генерал, когда они выходили из ворот кладбища. – Здорово выступал! Он что, родственник Михаила? Ну, тот, что назвал его «дядей Майклом»?

– Его правнук, Михаил Плотников, – пояснил Николай. – Михаил для него – канадский кузен. Только Мику еще и двадцати нет...

– Я не зову его на фронт, – еле заметно пожал плечами Тургул. – Хотя Виктор, смею заметить, воюет с семнадцати. Сейчас ему как раз девятнадцать.

– Помилуйте, господин генерал, – возразил Ухтомский, – мне сейчас аккурат девяносто один. Вот уж не думал дотянуть!

– Вы правы, – задумался генерал. – А мне тогда сколько будет? Знаете, Виктор, вы эту алгебру бросьте! А с Михаилом Плотниковым вы меня, господин Луниин, непременно познакомьте.

Огромная квартира в Доме на Набережной казалась теперь не только Фролу, но и Келюсу, мрачной и неуютной. Последние дни они собирались обычно на кухне и даже, перетащив туда раскладушки, иногда ночевали. Тут было как-то спокойнее и спалось без сновидений. И сейчас, пригласив нежданных гостей, Луниин, проигнорировав этикет, усадил их за кухонный стол. Да и покойный Корф больше всего любил бывать именно здесь. Теперь его место пустовало, там стояли тарелка и наполовину налитая стопка.

Все слова были сказаны, водка выпита. Фрол и поручик ушли в гостиную выяснять подробности родословной князя, которая отчего-то заинтересовала дхара. Генерал, не перебивая, выслушал рассказ Лунина о том, что случилось с Корфом. Келюс рассказывал все без утайки, опуская лишь наиболее невероятные подробности.

– Дон-Кихоты, – вздохнул Тургул. – Неправда ваша, господин Луниин. Не вы втянули Михаила во все это – он вас втянул. Корф – человек военный, он выполнял приказ. И, если для этого нужно было выкрасть скантр, – он был обязан сделать это.

– Приказ начальника, бином, – закон для подчиненного?

– Именно так, – кивнул генерал. – Только слово «бином» – лишнее. Помилуйте, сударь мой, вы хоть понимали, что делали, когда пытались выкрасть скантр у собственного правительства?

– Скантр был нужен Михаилу, – удивился Келюс. – Он бы вернул его в Институт и сам возвратился...

– Может быть, – недобро прищурился Тургул. – А может, и по-другому вышло. Вы, надеюсь, догадываетесь, где служил Корф? Он бы мог взять и уничтожить скантр. Что тогда?

– Уничтожить? Но зачем? Он ведь хотел вернуться!

Генерал со вздохом покачал головой, гася в пепельнице папиросу и закуривая новую. В наступившей тишине откуда-то из глубины квартиры донесся голос Ухтомского, повествующего о битве князя Ряполовского «в мале дружине с поганым собакою Касим-ханом и его злою ордою».

– Несомненно, – хмыкнул Тургул, – с собакою Касим-ханом... Господин Лунин, вы – человек штатский. Оговорюсь: не подразумеваю под этим более того, что сказал. Так вот, вы человек штатский, вы ученый – все так... Но, сударь мой, неужели вы до сих пор не поняли?

– Кое-что понял. А вас, господин генерал, понять пока не могу. Куда вы, бином, клоните?

– Да куда мне клонить? – удивился Тургул. – Я просто хочу сказать, что идет война. Война, сударь мой! Красные против белых. Я, мой поручик, покойный Михаил, – белые. Вы – красные. И, помогая Михаилу, вы помогали врагу.

– Ну, это вы уже загнули! – Келюс даже не рассердился. – Дед мой, покойный комиссар Лунин, царствие ему Небесное, напоследок меня иначе как врангелевцем и корниловцем не величал...

– Видел я ваших корниловцев, – спокойно, без тени эмоций, отозвался генерал. – На Страстном. Стоят, извиняюсь, в раскорячку, рожи холопские, наглые... И небритые. Еле удержал Ухтомского, он, знаете, так и рвался. Мы эту форму офицерам не сразу разрешали носить – не после первого боя, даже не после десятого, сударь вы мой! Они еще ордена цеплять изволят. Наши ордена! Вернусь – отдам приказ – все ордена погибших уничтожать. Чтоб – ни в чьи руки! Ни парижских ювелиров, ни этих, прошу прощения...

Тургул вновь замолчал, и Келюс услышал голос Фрола, вопрошавшего:

– ...то есть как, елы, парил по небу? Не мог он парить по небу!

В ответ князь Ухтомский пытался объяснить что-то про фольклор, но дхара, это явно не успокаивало.

– Извините, отвлекся, – продолжил Тургул. – Так вот, господин Лунин, идет война. У нас – на фронтах, у вас – тлеет под пеплом. Но, кажется, уже кое-где полыхает.

– Э-э, бросьте, – не согласился Келюс. – Свою войну вы проиграете – к большому сожалению, моему лично, и, можете поверить, еще очень многих – аккурат в ноябре двадцатого. А у нас свои дела. И войны, надеюсь, все-таки не будет.

– Ну да, конечно, – кивнул генерал. – «Река времени в своем стремлении уносит все дела людей...» А вы знаете, господин Лунин, что передавали нам по этому самому Второму каналу?

– Догадываюсь, – усмехнулся Келюс. – Военные планы красных. И, может, кое-какие технические новинки.

– Верно догадываетесь. Только опять лишнее слово – «может». Иначе зачем мы поддерживали связь с этими... переродившимися?

– Вы думали, у нас в ЦК сидит ваш доброжелатель?

– Конечно! – воскликнул Тургул. – И не только думали. Нас в этом уверяли! Обещали чуть ли не изменить ход истории! О Господи, прости им всем... Кто же на такое не согласится? Тут можно рискнуть не только полковником Корфом – дивизии не жалко!

– Они передавали такие же данные красным? – понял Келюс. – Но зачем?

– Нас исследовали, – бледно улыбнулся Тургул. – Посылали запросы о состоянии экономики, финансов, о транспорте, еще о чем-то... О войне не спрашивали – тут и так все ясно. Мы отвечали – что оставалось делать? Ну, красных тоже, так сказать, рентгенировали. А Михаил Модестович все это раскрыл.

– Михаил говорил, что он просто курьер!

– Разумеется, – генерал закурил очередную папиросу. – А что же, по-вашему, он должен был вам сказать? Я, отважный разведчик, полковник Корф, первым проник в злодейские замыслы жидо-большевистской банды и понял, что господина главнокомандующего, равно как и все Особое Совещание, водят за нос? И что помогать нам никто и не думает – просто ставят эксперимент на нас и красных одновременно – на предмет приемлемости капитализма среди наших родных осин? Второй канал обслуживает не только Харьков, где сейчас, то есть в августе 19-го, мы, но и Столицу, где нынче красные. Что Корф должен был сделать? Или прорваться обратно – или просто уничтожить скантр и обрубить Канал...

– Но ведь сейчас у вас, как я понял, есть свой собственный Канал, – удивился Николай, – и вы можете устанавливать любые нужные вам связи.

– В общем-то, любые. Золотой запас России пока еще у Адмирала. Тайн военных открывать не буду, но вы, наверное, и так кое-что поняли. В двадцать восемь лет мозги господина Тернема работают не хуже, чем в сто, смею вас уверить. Ну, а теперь, сударь вы мой, беретесь ли вы по-прежнему утверждать, что наша война кончится в ноябре 20-го?

– Межвременные войны, бином, – пробурчал Лунин, которому эта идея чрезвычайно не понравилась. – Интертемпоральные...

– Звучит страшно... Однако вернемся к моему менторству. Все, что вы тут вытворяете – ваше внутреннее дело. Но скантр – это же ваше оружие! Если правительство – любое, но ваше правительство – потеряет его, вы понимаете, что будет?

Келюс не ответил. Вопрос, заданный самоуверенным и весьма осведомленным генералом заставил вспомнить растерянного и затравленного Корфа, не имевшего представления, какая в державе валюта. Да, за последние недели в Добровольческой армии многое изменилось! Но Тургул был не совсем прав. Скантр – не просто оружие, иначе все было бы слишком просто. И Николаю почему вспомнилась странная карта из серой папки...

– Извините, ради Бога, господин Лунин, – негромко проговорил Тургул. – Я, кажется, поступил крайне неразумно, затеяв этот неуместный диспут. Да, явно неуместный и, судя по всему, окончательно испортивший вам настроение. А нынче и без того черный день. Я очень сожалею...

Николай кивнул, но отвечать не стал.

– А с Плотниковым вы меня познакомьте. Все-таки потомок...

Келюс хотел уточнить, зачем генералу баронов правнук, но тут их внимание было отвлечено довольно неожиданным образом. Голоса, доносившиеся из глубины квартиры, где беседовали поручик Ухтомский с Фролом, стихли, и в наступившей тишине кто-то – Лунин даже не узнал сразу кто именно – запел, а точнее, стал читать нараспев что-то совершенно непонятное:

Схом-бахсати эн Ранхай-у
Дхэн-ар мгхута-мэ Мосхота,
Ю-лар-нирх мосх ур-аламэ
Ю-тхигэт Ранхай-о санх-го.

– Однако, – пробормотал Келюс, невольно копируя интонацию покойного барона, – он что это, бином, на суахили?

Лунин и Тургул, выйдя из кухни, направились на голос. Фрол и Виктор Ухтомский расположились в библиотеке, обложившись томами Брокгауза и Эфрона и еще не менее чем дюжиной книг разного размера и возраста. Впрочем, в данный момент книги их не интересовали. Поручик замер, утонув в глубоком кресле, а Фрол, сидя на диване и закрыв глаза, медленно произносил, строчку за строчкой, что-то совершенно непонятное, может быть и вправду на суахили. Услышав шаги, он немедленно умолк, открыл глаза и виновато моргнул.

– Извини, воин Фроат, – Келюс оглядел комнату и покачал головой, – ты, я вижу, бином, рецитировал...

– Не, мы не ругались, – вздохнул Фрол. – Это я стихи читал.

– А-а, – сообразил Николай. – Сулеймана Дхарского?

– Народные. «Ранхай-гэгхэн цорху». В общем, елы, «Сказка о Ранхае».

– Песнь, Фрол, – подсказал Ухтомский. – Или эпос.

– Вроде. Тут, в общем, как бы это... Слушай, Виктор, ты все-таки, елы, с образованием, расскажи сам.

– Обижаете, Фрол, – усмехнулся Виктор. – Это у вас восемь классов школы и техникум, а у меня, извините, семь лет гимназии и три – окопов.

– Ну ладно, – сдался дхар, – ты, Француз, думаешь, чего это я на Виктора сегодня вроде как озлился?

– Ну ясно, бином. За гэбэшника принял.

– Принял, елы. Тут озлишься, в карету его! Барона нашего под какой-то цирк хоронят, проститься, елы, по-человечески и то не дали, а тут нате, мало им! Но, понимаешь, Француз, я Виктора увидел и... Как бы это, елы... Почуял, что он наш. Ну это, поле наше...

– Дхарское? – сообразил Келюс.

– Ну да. Я-то дхара сразу узнаю. Пусть там и крови, елы, наперсток только.

– Помилуйте, господин Соломатин! – поразился Тургул. – Виктор – русский князь!

– Я тоже русский, господин-товарищ генерал Тургул. У меня, елы, и в паспорте написано: Соломатин Фрол Афанасьевич. И печать. Но дхара-то я всегда узнаю.

– Ну так что? – не понял Келюс. – Ну если даже дхар-гэбэшник – мало ли?

– Да нельзя нам! – возмутился Фрол. – Нельзя в гэбэшники! При царе, елы, в жандармы не шли, ну а сейчас – в эти самые. Нас ведь все время то сажали, то переселяли. И мы решили, что никто в гэбэшники не пойдет. Железный закон, елы! Ну и думаю: вот, елы, повезло, свой же вязать будет...

– Да, – согласился Ухтомский, – пару лет назад и нам мысль, что русский может стрелять в русского, казалась дикой... Ну вот, Фрол был настолько любезен, что подробно рассказал мне о дхарах. Стал я вспоминать, кто это в моей родне мог быть из этих самых дхаров. Ну, татары, черемиса, немцы, шведы, эстляндцы, поляки – это понятно... Я даже древо наше нацарапал, – он кивнул на украшенный хитрыми узорами листок бумаги, причудливо прилепившийся в углу дивана. – Кто угодно есть, даже мексиканцы – был грех у тетушки. А дхаров нет, даже обидно.

– Действительно, обидно, – невозмутимо согласился Тургул.

– И тут меня – как крупнокалиберным по макушке! Родоначальник-то наш!..

Виктор передохнул секунду, несколько раз затянулся сигаретой.

– По официальной версии все просто. Выехал, дескать, наш предок из Орды людно, конно и оружно. Но у нас был и свой рассказ, не для Геральдической палаты, княжеский фольклор, так сказать. Дело было так... Где-то, то ли на Вятке, то ли на Двине, в одну деревню Лихо повадилось, стало девок красных пугать да портить. Господа пейзаже, ясное дело, полевые караулы поставили, да толку – чуть. Потом уж сообразили, что Лихо это по воздуху аки птица летает. Аэронавт, извольте видеть! В конце концов испортил сей заброда красную девицу, некую Настасью Силишну, дочь то ли мельника, то ли кузнеца. Батюшка, не будь дурак, вызвал попа или попросту колдуна, тот все там заминировал – и в общем, на третью ночь, как и полагається в таких случаях, изловили злодея в сеть. Оказалось, какой-то мордвин Рангайка, как вы понимаете, колдун и чуть ли не волхв. Полностью его звали Рангай Фролкович.

Поручик улыбнулся. Было ясно, что давнее семейное предание доставляет ему весьма нравится.

– Стали судить-рядить, чего с ним дальше делать. А предложения были, как вы догадываетесь, вполне большевистские – под стать комиссару Саенке или даже самому Лацису, не к ночи

будь помянут. Ну, сей Рангайка взмолился, обещал жениться, креститься, а главное – помогать пейзамам, буде таковая нужда случится. Господа пейзамам, представьте себе, проявили несвойственный ныне гуманизм, крестили супостата, нарекли Иваном Александровичем, обвенчали с вышеупомянутой Настасьей Силишной и отпустили с Богом жить куда-то в глухомань, откуда новокрещеный Александрович оказался родом. И не слыхали о них тридцать лет и три года.

– Да, – не выдержал Келюс. – Эти бы сказы, да в «Российский гербовник»!

– Пейзамам стали их подзабывать, – вел далее поручик, – да тут, откуда ни возмись, то ли татары, то ли опять же мордва, то ли весь. Естественно, резня, полное несоблюдение норм Гаагской конвенции...

– Все ясно, – перебил его Николай. – Вышли господа колхозники на опушку и кликнули громким кличем свет Ивана Александровича. Раз кликнули – только дуб ветками зашумел, два кликнули – ольха заскрипела...

– Совершенно верно, господин Лунин, – засмеялся Ухтомский. – Законы жанра, что поделаешь... Ну, а на третий раз заиграли трубы боевые, что-то там запело, вы уж сами придумайте, и явился из лесу Рангайка. То есть уже не Рангайка, а славный витязь-богатырь Рангай, он же Иван Александрович. Да не один, а с двенадцатью сыновьями, да с дружиной, да со зверьем лесным, да с птицами небесными и чуть ли не гадами болотными. В общем, притащил целый зоологический сад. Подробности истребления вражеского войска опускаю, а вот после этого форс-мажора то ли князь, то ли царь пожаловал Рангайке волость. Стал Рангай князем и нашим, стало быть, родовым корнем. Правда, летал ли он по небу после этого, утверждать не берусь. Вот, пожалуй, и все.

– Да не летал он, елы! – не выдержал Фрол. – Крыльев-то у нас нет. И слава Богу, если подумать... Ну вот, господа и товарищи...

– А здесь есть и товарищи? – мягко поинтересовался Тургул.

– А микрофон? – разъяснил Келюс. – Там еще товарищи.

– Историю эту я знаю, – продолжал Фрол, – только там, конечно, все по-другому. «Ранхай-гэгхэн цорху» – про князя Ранхая, сына Фроата. Только я так красиво не расскажу. Он и вправду воевал, только, елы, не с татарами, а с русскими. Татары – они друзьями были. Вот татарский царь Ранхая и это... пожаловал...

– Что ж, господа, – усмехнулся Тургул, – по-моему, наша странная командировка уже дала первые результаты. Поздравляю вас, князь! Ваше семейное предание неплохо подтвердилось.

– Это не главное, – без тени улыбки заметил Виктор. – Фрол не сказал, что у Фроата, отца Ранхая, был еще один сын – старший. Как его звали, Фрол?

– Гхел, – ответил дхар и стал смотреть куда-то в сторону.

– Так вот, господа. Фрол Афанасьевич – его прямой потомок. Так, Фрол?

– Ну так...

– А этот ваш уважаемый предок, – осторожно поинтересовался Тургул, – он был... Как бы это точнее выразиться, очень знатен?

– Да какой там знатен! – огорчился Фрол. – У нас же дворян никогда не было, в лесу жили. Фроат был – ну, президентом что ли.

– Выборным? – удивился Ухтомский.

– Он, говорят, откуда-то с Запада пришел. Тогда у нас смута была, вроде как сейчас. Фроат всех дхаров собрал, помирил, его князем и выбрали. По-дхарски – гэгхэном. Он Дхори Арх, Дхарский камень, построил, мы еще его Теплым Камнем называем. А потом решили, что дхарами могут править только его потомки, пока хоть один мужчина из рода Фроата жив.

– Это называется не президент, уважаемый господин Соломатин, – констатировал Тургул. – Это называется наследственная монархия.

– Да какая монархия! – взорвался Фрол. – Да нас уже пять веков, елы, как собак гоняют! Мне дед такое рассказывал! С Курбского еще началось.

– С Курбского, Фрол? – поразился Ухтомский. – Помилуйте, он-то причем?

– А! – понял дхар. – Это не тот Курбский, который письма писал. Это его то ли дед, то ли дядя – Семен.

– Покоритель Севера, – кивнул Келюс. – Века четыре с половиной тому...

– Ну да. Здесь его забыли, а мы-то помним. Крестить стали! Мы-то и не против были, но Дхори Арх зачем трогать? Сколько наших там!.. Песня есть еще об этом. Как царя свергли, думали, лучше будет. Букварь нам написали... Букварь...

Фрол замолк и опустил голову, глядя куда-то в угол.

– Ладно, господа, – решил генерал, – сегодня, о чем ни заговорим, все получается не так. Плохой день, господа. Господин Лунин, осмелюсь предложить выпить кофе, и мы с поручиком откланяемся.

– Да куда вы пойдете? – удивился Келюс. – Поздно, ночуйте здесь. Михаил в первый же день тоже норовил. С двумя ручными гранатами в сумке...

– И, возможно, был прав. Господин Лунин, благодарю вас, но если мы с поручиком до утра не вернемся, за нас начнут волноваться. А волновать друзей плохо. Так как вам, господин Лунин, моя идея относительно кофе?

Эта действительно во всех отношениях неплохая идея так и не была, однако, должным образом обсуждена. В дверь позвонили. Тургул вопросительно поглядел на Келюса, тот пожал плечами – в гости, да еще в такое время, он никого не ждал. В дверь позвонили снова, и в ту же секунду в руках у офицеров тускло сверкнули вороненые стволы. Генерал дернул бровью, и Ухтомский неслышно заскользил вдоль стены, между тем как Тургул, чуть прищурясь, навел оружие прямо в центр дверного проема.

– Да постойте, – не выдержал Лунин. – Что вы, в самом деле? А вдруг это соседи?

И как бы в ответ на его слова в замке начал проворачиваться ключ.

– Француз! Задвижка! – шепнул Фрол, и Николай сообразил, какого дал маху – засов был открыт. Происходящее внезапно показалось ему чем-то нереальным – то ли сном, то ли фрагментом совкового фильма о чекистах: двое офицеров-заговорщиков притаились за дверью, сжимая револьверы в руках, отважные герои революции вот-вот откроют дверь, и тогда...

– Спрячьте оружие! – внезапно приказал Лунин. К его крайнему удивлению, приказ был тут же выполнен. – Идите в комнаты! – продолжал он, направляясь к двери. Но дойти не успел – замок щелкнул, и в прихожую ввалился Мик в черной куртке «Порше», держа в правой руке ключ с таким видом, будто собирался им кого-то зарезать.

– Келюс! – воскликнул он, – слава богу! Я уже испугался, вы не открываете, тут всякое подумаешь! Хорошо, что у меня был ваш ключ.

Лунин вспомнил, что действительно давал ключ Плотникову, и мысленно обозвал себя идиотом.

– Фрол Афанасьевич! Келюс! Чего вы к нам не заехали? Ведь дядя Майкл... Помянуть надо! А то собрались родичи – а они Майкла в глаза не видели...

– Нас никто не приглашал, – напомнил Лунин.

– Да говорил я бате! – махнул рукою юный Плотников. – Ну, у него забот – сами понимаете. Гляжу, а вас за столом нет. Я к бате, а он себя в лоб стучит, будто вы там проживаете. Поедьте, я на тачке, внизу ждет. Хоть с предками моими познакомитесь.

Между тем в коридоре опять появился Тургул. Револьвер он уже спрятал и выглядел вполне респектабельно. Увидев его, Мик растерялся и умолк.

– Господин генерал, – обратился к нему Келюс. – Вы, кажется, хотели познакомиться с Михаилом Плотниковым? Мик, это Антон Васильевич Тургул. Он хорошо знал твоего дядю Майкла...

Келюс и Фрол пробыли у Плотниковых недолго. Никого из десятка собравшихся, кроме, конечно, Мика, они не знали. Правда, Плотников-старший – солидный лысый мужчина, несколько склонный к полноте, отнесся к Лунину с некоторым вниманием, без особого труда выяснив, что они имеют несколько общих знакомых. На этом его интерес к Келюсу иссяк, что того не особо расстроило. Фролу старший Плотников только кивнул. Дхар остался невозмутим. Матушка Мика была настолько занята столом, что ни Фрол, ни Лунин ее толком не запомнили. Они выпили положенное число рюмок, ковырнули закуску и предпочли откланяться.

...Антон Васильевич Тургул тоже оказался на поминках. Отослав Ухтомского и пообещав вернуться к утру, он сел в машину вместе с остальными и был представлен хозяину дома как шеф фирмы, в которой работал покойный Корф. Национальная принадлежность фирмы не оговаривалась, но Плотников-старший, будучи человеком опытным, усадил Тургула на самое почетное место и несколько раз лично подливал ему водки. Генерал пил в меру, когда требовалось, улыбался, когда нужно было, скорбно хмурил брови, а на вопрос о погоде в Оттаве отвечал, что бывает в столице редко, предпочитая работать прямо на объектах.

Последние гости уже расходились. Мик с матушкой начали убирать со стола, а отец семейства и Тургул, сев у кухонного столика, принялись не спеша приканчивать чудом уцелевшую бутылку «Золотого кольца». Плотников несколько рассеянно ронял замечания по поводу своих зарубежных поездок, генерал столь же рассеянно поддакивал, в воздухе висел сизый сигаретный дым, а гость и хозяин словно ждали чего-то. Наконец, Тургул, походя обмолвившись о высоких деловых качествах покойного, намекнул, что Михаил Корф направлялся в Столицу вовсе не с туристическими целями и только трагическая случайность помешала ему дожждаться глубокоуважаемого Николая Ивановича. Затем, пустив три аккуратных кольца дыма, генерал, как бы ненароком, бросил, что фирма не случайно направила в Столицу именно Корфа – человека, имевшего в Советском Союзе такого уважаемого родственника.

Плотников, внимательно поглядев на Тургула, пожаловался, что его отрасль переживает не лучшие времена. Он, конечно, понимает важность конверсии, но большие дела делаются медленно, и сейчас спрос на продукцию, к сожалению, невелик. Впрочем, если фирму, которую представляет господин Тургул, интересует некоторое количество качественного металлолома... Правда, могут возникнуть трудности с оплатой, к бартеру он в последнее время стал относиться настороженно.

Генерал, пожав плечами, извлек из левого кармана пиджака что-то небольшое, но чрезвычайно тяжелое, блеснувшее в неярком свете кухонной лампочки тусклой желтизной. Нечто имело маленькое, но четкое клеймо Санкт-Петербургского монетного двора. Двуглавая клювастая птица свидетельствовала о серьезности учреждения, поставившего сей знак.

Плотников воздержался от эмоций, как и следовало ожидать от человека его возраста и ранга. Он даже не стал взвешивать слиток в руке, а лишь заметил, что подобный бартер может вызвать трудности с таможенной. Тургул, мягко улыбнувшись, пояснил, что таможня тут совершенно ни при чем, ибо «бартер» будет совершаться в пределах государственных границ. Хозяин дома тут же повеселел.

– Значит, металлоломчик... – забормотал он. – Хороший, я вам доложу, господин Тургул! Могу и цветного подкинуть, если хотите... Правда, как вы с таможенной будете разбираться, ума не приложу. Вот АНТ попробовал... А вам, собственно, на какую сумму?

Антон Васильевич, не торопясь, достал ручку «Паркер» и написал что-то на салфетке. Хозяин стал изучать салфетку столь внимательно, словно там был записан государственный бюджет, а не единственная цифра.

– Ну, если так, – заявил он. – Могу моторы... моторы подкинуть. И запчасти... Траки, например... Хорошие моторы, от тягачей... Танков...

Тургул, подумав, намекнул, что моторы сами не ездят.

– Ну так за чем дело встало? – воскликнул Плотников, резво вскочив со стула. Он бросился куда-то в угол, долго рылся в недрах высокого кухонного пенала и, наконец, вернулся с еще одной бутылкой «Золотого Кольца».

– Заветная, – сообщил он полушепотом, покосившись в сторону двери.

Заветная была также откупорена.

– Так за чем дело стало? – повторил хозяин дома. – Да этого у нас! Все склады забиты! Тягачи, вездеходы... Мы вам из танка, господин Тургул, такой тягач отгрохаем! Пушки срежем, пулеметы срежем...

– А зачем резать-то? – тихо-тихо спросил генерал и даже отвернулся.

Николай Иванович поперхнулся воздухом, застыл, замолчал, затем начал медленно краснеть. Он краснел минуты четыре, после чего, резко выдохнув воздух, радостно взревел:

– Так вам нужно... – и умолк, лишь полные губы прошепестели: – оружие?!

Тургул лишь улыбнулся и заботливо долил рюмку Николая Ивановича. Тот несколько минут приходил в себя, после чего совершенно протрезвевшими голосом предложил пройти в кабинет, где в сейфе у него лежат каталоги.

– Это потом, – покачал головой Тургул, на лице которого уже не было и тени улыбки. – Вы изготавливаете только броневую технику?

– Обижаете, господин Тургул! – Плотников, похоже, действительно слегка обиделся.

– Нужно полностью вооружить... отряд, – продолжал генерал, – стрелковое вооружение, танки, грузовые авто, связь... Аэропланы...

– ...Система «Град». Да что хотите! И, наверное, в дальнейшем потребуются запчасти... ремонт, – Николай Иванович прокашлялся, – боеприпасы...

Тургул кивнул.

– Отряд, значит, с самолетами. И в пределах страны... А если... Мишка-сопляк без меня уголовником вырастет!..

– Он уже взрослый, – заметил генерал. – Это как раз повод слегка его заинтересовать. Молодежь любит такие игрушки. Мне сказали, что он прекрасно считает...

– А ладно! – махнул крепкой ручищей Плотников. – Черт с ними, со всеми! Дадут десять, отсижу три! Сколько у вас в отряде? Тысяч пять? Десять?

– Больше, уважаемый господин Плотников, – прищурился Тургул. – Для начала нам нужно вооружить... сто тысяч. Потянете?

– Это я-то не потяну? Это мы-то не потянем? – захохотал Николай Иванович. – Да благодетель, да хоть пятьсот! Вы же меня спасаете! Да черт со мной, не пропаду! Заводы спасаете! Отрасль! Да мы вам скидку, ей богу! Четверть заказа браком оформим за такое дело.

– Вам, может быть, лекарства? – вежливо поинтересовался Тургул, с некоторой опаской глядя на разбушевавшегося хозяина дома.

– Какое лекарство! Водки! – гаркнул Николай Иванович и начал, лихорадочно заливая стол, наполнять рюмки. Тургул на секунду стал совсем серьезным, а затем широко улыбнулся хозяину дома.

Глава 2. Расставание

Фрол с поручиком Ухтомским гуляли по Столице. В этот холодный, ясный осенний день оба они оказались совершенно свободны. Дхар, позвонив утром в больницу, где лежала Лида, выяснил, что девушку собирается обследовать какое-то заезжее светило, поэтому попасть к ней будет невозможно. Поручик же получил от Тургула, который после беседы с Плотниковым-старшим оказался необыкновенно занят, указание погулять по Столице и разведать обстановку. Поскольку Мик куда-то внезапно исчез, а Келюс намеревался посвятить день очередному походу в поисках работы, то дхар и поручик, решив выполнить приказ генерала совместно, уже второй час, не торопясь, бродили по центру.

– Узнаешь? – спросил Фрол Виктора, когда тот, остановившись у Пассажа, некоторое время внимательно рассматривал окрестности.

– Не очень, – честно признался поручик. – Я ведь в Петербурге жил, а сюда только к тетушке ездил. Не люблю этого города, вот Петербург – это да! Возьмем Питер, Фрол, свожу вас к нам, особняк покажу. Правда, там господа комиссары кого-то поселили... Ну ничего, покуда внутри чистить будут, мы с вами хоть снаружи поглядим. Его сам Монферран строил – тот, что Исаакий возводил.

– А зачем Питер брать? – удивился Фрол. – Давай сейчас съездим. Восемь часов на «Красной стреле».

Такую возможность поручик явно не учел.

– Нет, не хочу, – решил он наконец. – Могу себе представить, что они за эти годы с Питером сделали!... У меня ведь, Фрол, дед в Питере остался. Отца в августе восемнадцатого взяли, так и сгинул, а деда соседи спрятали. Ему семьдесят девять...

– А мать где? – осторожно поинтересовался Фрол.

– Во Франции, в Ницце, – ответил поручик и прибавил: – Слава Богу.

– Жалко особняк?

– Конечно жалко! – воскликнул Ухтомский. – Там ведь не только мебель, книги, картины... Там ведь дом, Фрол! Мой дом. Небось, даже господину пролетарию свой подвал жалко! Когда в январе восемнадцатого я уезжал на Дон, то сжег в камине все свои игрушки и книги. Даже любимую про лорда Фонтлероя.

– Ты чего? – поразился дхар. – Зачем?

– Неужели не ясно? – вздохнул поручик. – Я ведь уже понимал, что придут. Это отец все на что-то надеялся. Ждал, уезжать не хотел...

Улицы были полны народу, приходилось продираться через ряды торгующих, которых Ухтомский по привычке именовал «мешочниками».

– А вы, Фрол, откуда родом? – поинтересовался Виктор, чудом увернувшись от гражданки, обвешанной сумками, откуда торчали хлебные батоны и пачки спагетти.

– Кировская область, поселок городского типа имени XVI Партсъезда. Улица Вторая Арматурная.

– Вы, надеюсь, шутите, Фрол, – улыбнулся князь. – Такой губернии нет.

– Это не я, елы, – развел руками дхар. – Ну, Вятка это. Переселили нас туда в конце двадцатых – по оргнабору на строительство комбината. Поселок наш мы зовем «Дробь Шестнадцать». Да ничего! Квартира приличная, слава Богу, не в хрущевке. Не Монферран, ясное дело.

Князь растерянно попросил объяснить понятия «оргнабор» и «хрущевка», на что потребовалось минут двадцать. За это время они, проделав очередную петлю по лабиринту столичных улиц, внезапно оказались у большого здания, которое, несмотря на все превратности судьбы, еще не потеряло былого величия.

– А ведь это Дворянское Собрание, Фрол! – удивился Ухтомский. – Я тут бывал раза два...

– А здесь, елы, и сейчас Дворянское Собрание, мне барон рассказывал. Только они где-то в углу теснятся. А что, зайти хочешь?

– А пожалуй, – в глазах князя мелькнул зловещий огонек. – Поглядим на господ красных бояр!

Как в свое время Корфу, Ухтомскому и Фролу пришлось потратить немало времени, прежде чем они разыскали бывшую бильярдную. Как и барону, им предложили купить входные билеты. Фрол не стал возражать, но Виктор, сжав губы, вытащил офицерскую книжку и бросил на стол дежурной. Та растерянно взяла ее, повертела в руках и наконец заглянула внутрь.

– Ну и что, молодой человек? Вы хотите сказать, что это офицерская книжка вашего деда... или прадеда?

– Я Виктор Кириллович Ухтомский, – холодно отчеканил князь. – Желал бы пройти. Наше имя зарегистрировано в Столичном Собрании с восемнадцатого века!

Дежурная, с явной неохотой поднявшись, извлекла из стенного шкафа какую-то громадную древнюю книгу и принялась ее листать.

– Зарегистрирована, совершенно верно! – сообщила она. – А вот и Виктор Кириллович Ухтомский, допущен в Собрание в 1916 году... Так вы его потомок?

– Я хотел бы пройти! – повторил князь.

– Но понимаете, молодой человек, – не сдавалась дама, – если у вас нет свидетельства об аннобировании, то вам придется брать входной билет. Разве что выписать вам гостевой, но тогда нужна рекомендация...

Вокруг уже стояло несколько человек, делая вид, что совершенно не интересуется происходящим.

– Я, между прочим, сама родственница Ухтомских, – заявила дама, – правнучка Иллариона Константиновича Терентьева.

– Вот как? – удивился Ухтомский. – Председателя Второго Департамента Правительствующего Сената?

– Совершенно верно. Я внучка его дочери Зинаиды. У нас был особняк на Моховой. Вот!

Дама гордо обвела взглядом окружающих, число которых постепенно росло. Губы Ухтомского дернулись, затем расплылись в широкой улыбке.

– Милостивая государыня! – воскликнул он. – Как приятно в эти дни видеть такое благожелательное отношение к столь достойной семье, как Терентьевы! Вы даже подарили им целый особняк! Которого, – лицо князя вновь дернулось, – у них никогда в Столице не было. Илларион Константинович имел служебную квартиру в Санкт-Петербурге, а здесь снимал комнаты на Ордынке, в доме Прокофьева.

– А ведь точно, – негромко заметил кто-то из окружающих.

– К тому же, Зинаида Илларионовна Терентьева к великому горю родителей скончалась от кори в возрасте трех лет, когда выходить замуж, равно как и иметь потомство, еще несколько не ко времени.

– Я еще тогда говорил, когда ее принимали, что самозванка! – заметил другой голос. Шум стал разрастаться. С дамой случилась истерика, она принялась показывать извлеченную из ящика стола рекомендацию какого-то Сергея Леопольдовича, чем, впрочем, вызвала лишь реплику, о том, как ей эта рекомендация досталась.

– Оставьте ее, Виктор Кириллович, – обратился к Ухтомскому высокий бородач. – Бог ей судья! Проходите, я поручусь за вас. Моя фамилия Киселев, Александр Александрович Киселев. Вы хотели кого-нибудь повидать?

– Благодарю Вас, Александр Александрович, – кивнул Ухтомский, поворачиваясь к безутешной лже-Терентьевой спиной. – Вообще-то, мы с господином Соломатиным хотели пови-
дать господина Говоруху. Ну и просто взглянуть, как российское дворянство... э-э-э... воз-
рождается.

– Увы, – только и вздохнул бородач. – А Ростислава Вадимовича сегодня, к сожалению,
нет. Все хворает.

– Жаль-жаль...

Ухтомский достаточно бесцеремонно осматривал окружающих. Впрочем, кружок любо-
пытных быстро рассосался. Лже-Терентьева уже пришла в себя и уткнулась носом в том
«Анжелики».

– Так че, Виктор, пошли отсюда? – предложил Фрол, чувствовавший себя в этих стенах
неуютно.

– Оставайтесь, господа, – предложил Киселев, – у нас вскоре встреча со Звездилиным.
Не Лещенко, конечно, но все-таки.

– Благодарю вас, господин Киселев, – учтиво кивнул Ухтомский. – Мы, пожалуй, оста-
немся.

– ...Послушайте, Фрол, – поинтересовался князь, покуда они не спеша пробирались
вглубь бывшей бильярдной. – А кто такой Звездилин?

– А певец это! Такой бородастый, с косичкой. Романсы, елы, поет. И про вас, про белых,
тоже.

– Любопытно, любопытно, – бормотал Ухтомский, рассматривая разного рода наглядную
агитацию, развешанную на давно некрашенных стенах. Их маршрут с фатальной неизбежностью
привел в буфет. В этот день, как и в день посещения Собрании Корфом, здесь было людно.
Правда, на этот раз отпускали не сосиски, а ветчину. Очередь стояла грозно, но молодые люди
все-таки достоялись, что стало возможным исключительно благодаря Фролу, который движе-
нием широких плеч не пускал представителей голубой крови, главным образом кавказской
национальности, без очереди.

Ветчину брать не стали, а удовлетворились несколькими бутербродами с грудинкой, на
которые ушли почти все и без того истаявшие деньги Фрола. Ухтомский намекнул, что запла-
тит за все сам, но у дхара был свой кураж, посему расплатились поровну. Тогда Виктор, отпра-
вив Фрола с бутербродами оккупировать освободившийся столик, отсчитал из внушительного
вида пачки еще десяток бумажек и присоединился к дхару, неся бутылку коньяка «Самтрест».

Коньяк, к удивлению Фрола, лучше князя знавшего современные буфеты, оказался дей-
ствительно самтрестовским. Ухтомский, несколько откиснув, стал рассказывать о том, как
участвовал в обороне Кремля в ноябре 17-го, как его ставили к стенке пьяные солдаты Пуле-
метного полка, как в Ростове он повстречал Михаила Корфа. Фрол слушал и только качал
головой. В свое время он с одноклассниками играл в Неуловимых Мстителей, да белые не
вызывали у него особого восторга. Вдобавок то, что Ухтомский оказался настоящим князем,
к тому же дальней родней, изрядно смущало.

Последний глоток был допит как раз вовремя. Публика начала вставать и переходить
в соседнее помещение, где, как в свое время довелось увидеть Корфу, находился небольшой
зал с лекторской кафедрой, украшенный серпасто-молоткастым гербом. Правда, на этот раз
кафедру убрали, у стены было устроено возвышение, освещенное жутковатыми железными
треногами, а над всем этим красовался большой трехцветный флаг.

Фрол и Ухтомский скромно заняли места в предпоследнем ряду. Знаменитость, следуя
неписаной традиции, несколько задерживалась. Фрол вновь занервничал и, если бы не пору-
чик, то наверняка не выдержал бы и ушел. Ухтомский же, напротив, получал своеобразное

удовольствие, разглядывая публику. Губы князя то и дело кривились в усмешке, глаза недобро щурились. Лишь однажды он удивленно дернулся:

– Этак, Фрол Афанасьевич, можно и в желтый дом попасть. Вылитый Саша Трубецкой, даже прическа та же. Ну фантом!

– Так, может, это он и есть? Тоже... командированный.

– Нет, – помрачнел поручик. – Похоронили мы Сашу. Еще в апреле 17-го года, под Ригой. А это правнук, наверное. Но как похож...

Наконец где-то сбоку зашумело, и по проходу под шумные аплодисменты прошествовал высокий полный господин с изящным брюшком, носивший, как верно указал Фрол, не только клочковатую бороду, но и ухоженный пони-тейл. Раскланявшись, мэтр, поднялся на возвышение, где уже горели треногие софиты. К удивлению Ухтомского, Звездилин не спешил демонстрировать свои вокальные способности. Пространно поздравив присутствующих с обретенной свободой, он посвятил минут пятнадцать критике павшего режима. Затем, сделав изящный словесный пируэт, высказал свое восхищение самим фактом выступления перед воскресшим российским дворянством, после чего скромно намекнул, что сам он – потомок старинного рода графов Звездилиных. Пока зал аплодировал, с губ Ухтомского не сходила кислая улыбка, он тихо пробормотал какую-то загибистую фразу, из которой Фрол уловил лишь слово «гаер». Между тем, граф Звездилин, поцокав ногтем по микрофону, прокашлялся и наконец запел.

Фрол слушал певца с интересом. В конце концов, некоторые старинные романсы Звездилину так и не удалось испортить до конца, и пару раз дхар даже принимался вместе со всеми аплодировать. Ухтомский слушал молча, скрестив руки на груди и, если не считать блуждавшей по его лицу усмешки, внешне никак не выражал эмоции. Спев несколько романсов, певец перешел к наиболее интересной части концерта. Зал прослушал песни про хорунжего, вовремя не пристрелившего лошадь, про дорогую графиню, которой не рекомендовалось лишний раз нервничать, и про безбожного прапорщика, утопившего в тихом омуте золотые погоны, отчего ему и конец пришел.

Покуда Звездилин пел, усмешка постепенно сползла с лица Виктора, губы сжались и побледнели, пальцы вцепились в подлокотники кресла. Наконец знаменитость объявила свою самую известную – легендарную – песню «Поручик Ухтомский». Спев, переждав овацию и приняв должное число букетов, Звездилин вновь обратился к залу. Сославшись на постоянно задаваемые вопросы, он решил удовлетворить любопытство своих уважаемых слушателей, поведав им историю создания знаменитой песни.

– Фрол, это же с ума сойти можно! – возбужденно зашептал Ухтомский, с которого спала вся его невозмутимость. – Это ведь наша песня, ее Славик Арцеулов сочинил! Слова, конечно, немного другие, но это она!

– Елы, так это, значит, про тебя? – поразился Фрол, знавший, конечно, знаменитый шлягер, но никак не подозревавший о такой возможности.

– Не совсем. Там вначале «поручик Орловский» было. Андрей Орловский из второго взвода...

Между тем Звездилин начал рассказ. Его версия, однако, выглядела несколько иначе. Прежде всего он с легкой иронией отметил, что на великий шедевр претендуют уже полтора десятка авторов, причем этот список включает Зинаиду Гиппиус, Марину Цветаеву и Лебедева-Кумача. Истина, однако, в том, что песню сочинил он, граф Звездилин.

По залу прошел легкий шелест. Уловив его, артист снисходительно улыбнулся, заметив, что некоторые средства массовой информации утверждают, будто «Поручик Ухтомский» был известен и десять лет назад, и двадцать, и даже двадцать пять. И это действительно так, ибо песню эту он, Звездилин, написал в шесть лет, как раз тридцать лет тому.

– Так-так, – процедил Ухтомский.

Маэстро охотно поделился подробностями. В шесть лет он нашел в гараже седло, принадлежавшее его знаменитому прадеду, фельдмаршалу Звездилину. Играя в «казаки-разбойники», будущий великий певец сел в упомянутое седло и, внезапно почувствовав озарение, тут же сочинил знаменитую песню, вернее первый ее вариант, поскольку их теперь двадцать четыре. И все они, естественно, принадлежат одному автору, то есть самому маэстро.

– Помилуйте! – какой-то старик вскочил с места. – Эту песню пели еще в гражданскую войну!

– Дедушка, – снисходительно улыбнулся артист, – вам несколько изменяет память. Склероз, господа!

Звездилин вновь улыбнулся залу и слегка погладил себя по животику.

– Милостивый государь!

Фрол попытался ухватить князя за рукав, но опоздал.

– Милостивый государь, я не страдаю склерозом! Эту песню пели в Марковском полку в апреле 18-го. В сентябре ее текст напечатал «Екатеринодарский вестник».

Поручик стоял, высоко подняв голову и чуть прищурясь.

– А в 27-м – «Русская мысль» в Берлине, – добавил кто-то, и зал зашумел.

– Как вам не стыдно! – завопила какая-то дама средних лет, вскакивая и размахивая сумочкой. – Как вы можете сомневаться в словах господина Звездилина?

– Графа Звездилина? – переспросил кто-то.

– Фельдмаршала, – ответили ему.

– Господин Звездилин! – продолжал Ухтомский. – Если вы действительно дворянин, немедленно извинитесь перед залом. В том, что вы говорили, нет ни слова правды!

– Молодой человек! – растерялся маэстро. – Я вас уверяю... Честное слово...

– Честное – что? – поинтересовался князь, и тут мимо его виска что-то просвистело. Сумочка, брошенная дамой средних лет, пролетела в нескольких сантиметрах возле уха поручика, попав в сидевшего в последнем ряду пожилого господина. В ту же секунду вокруг дамы возник легкий водоворот, послышался сухой треск оплеухи, через секунду кто-то уже катился по проходу. Над вскочившей толпой замелькали крепкие ручки, и все покрыл неистовый гвалт собравшихся в зале особ голубой крови.

– Пора, елы, сматываться, – рассудил невозмутимый Фрол и потянул Ухтомского к выходу. – Заметут, в карету его!

Поручик пытался сопротивляться, но Фрол, окончательно взяв командование на себя, потащил упавшего Виктора из зала. За спиной их ревело и клочкотало, лишь чей-то одинокий голос отчаянно взывал: «Стыдитесь, господа!».

– Извозчики! Лакуны! – бормотал Ухтомский, буксируемый неумолимым Фролом. Уже возле самой двери они столкнулись с самим Звездилиным, который также успел вовремя улизнуть. Маэстро, увидев поручика, замер, а затем пробормотал что-то о хулиганах.

– Моя фамилия Ухтомский, – отрубил князь. – Вы что-то хотели сказать?

Звездилин попытался снисходительно улыбнуться, но тут их взгляды встретились, и он окончательно потерял дар речи. В двери уже вваливались люди в форме, и Фрол потянул Виктора к выходу. Ухтомский шагнул вплотную к потомку фельдмаршала, правая рука дернулась, но он лишь процедил: «На конюшню!» – и, резко повернувшись, шагнул прочь.

...Покуда Фрол и поручик совершали очередной круг по центру Столицы, дабы сгладить впечатление от знакомства со сливками местного общества, слухи уже начинали ползти по городу. В девятичасовых новостях зрители смогли прослушать репортаж о зверском избиении знаменитого певца Звездилина группой необольшевиков, устроивших погром в Дворянском Собрании. Полуночные «Вести» поведали, напротив, о похождениях вдрызг пьяного маэстро, который во время исполнения «Поручика Ухтомского» поколотил старушку. Все это кончилось большим интервью певца одной из центральных газет, где он повторил свой рассказ о

рождении знаменитого шедевра, доведя количество созданных вариантов песни до двадцати пяти.

На следующее Фрол и Келюс как раз допивали кофе из последней пачки, когда в дверь позвонили.

– Мик, – предположил дхар.

Однако это был не Плотников. На пороге с несколько виноватым видом стоял поручик Ухтомский.

– Здравия желаю, господин Лунин! – отчеканил он. – Разрешите войти?

Получив разрешение, князь снял пальто, секунду потоптался в прихожей, а затем щелкнул каблуками:

– Разрешите доложить! Прислан для отбытия ареста!

– Чего? – ахнул подошедший Фрол.

– Получил сутки ареста от его превосходительства за буйство, – пояснил поручик. – Прислан для производства генеральной уборки в квартире.

Келюс хотел что-то сказать, но внезапно в голову пришла какая-то мысль, и он промолчал.

– Ладно, – решил Николай. – Уборку я, бином, и сам произведу, а так – милости просим. Пойдемте, Виктор, там у нас, кажется, еще есть кофе...

– ...Понял? – шепнул Лунин дхару, покуда поручик мыл руки в ванной. – Тургул его второй день отсылает. Ну и дела! Если даже своему поручику не верит...

Ухтомского напоили кофе и оставили в квартире, запретив даже прикасаться к швабре и венику. Фрол поехал в больницу к Лиде, а Келюс направился в очередной поход. Он давно уже пытался устроиться в какой-нибудь институт, но даже в техникумах и редакциях свободных мест не оказывалось. На этот раз Николай сломал гордость и поехал к своей старой знакомой, которая работала в одном крупном издательстве. Знакомая угостила Николая кофе из редакционного кофейника, полчаса болтала о пустяках, а затем, когда они остались одни, неожиданно сменила тон, сообщив, что ничем помочь не может. И не только она – в списке людей, которых не следует принимать на работу, фамилия Келюса фигурирует с самыми резкими характеристиками. Списки эти, как выяснилось, регулярно рассылаются некими инстанциями по всем институтам, техникумам, редакциям и даже средним школам.

Лунин вспыхнул, но, сдержавшись, поблагодарил за информацию и покинул негостеприимные стены. На улице он нашел первую попавшуюся скамейку и долго курил, приходя в себя. Весной Лунин потерял работу, выйдя из правящей партии, что в конце концов бросило его на бетонные баррикады Белого Дома. Теперь же... А действительно, что теперь? Николай махнул на все и направился напрямик в Белый Дом. Терять было совершенно нечего.

Пускать его не собирались, посоветовав записать на прием. Лунин знал, что это значит и, вновь сломав гордость, напомнил, что работал в группе поддержки Президента. На него посмотрели внимательнее и принялись листать какие-то списки. Лунин уже и сам был не рад, но поворачивать назад было поздно. Минут через десять дежурный выписал ему пропуск и предложил подождать сопровождающего. Тот оказался двухметровым верзилой в штатском, державшимся, впрочем, крайне вежливо. Они прошли хорошо знакомыми Келюсу коридорами, поднялись на лифте, и вскоре Николай стоял у высокой двери, возле которой вытянулись по стойке «смирно» двое таких же верзил. Лунин перешагнул порог и увидел Генерала.

– А, Лунин! – Генерал мельком взглянул на часы. – Хорошо, что застал, у меня скоро совещание по Украине. Ну, садись.

Келюс и не надеялся попасть именно к Генералу. Он предпочел, чтобы с его делом разобрался кто-нибудь другой, но выбора не было.

– Что? Никак в покое не оставят? Я ж им сказал!

– Здравствуйте, – перебил его Келюс. – Нет, меня не трогают. Даже следователь больше не вызывает. Спасибо.

– Тогда что? Материально плохо?

– Скажите, – вновь перебил Лунин. – Я что, враг народа?

Генерал на секунду задумался:

– Понял. Не берут на работу. Угадал?

Николай, насколько мог коротко, поведал ему о пресловутых списках.

– Ну, хреновые! – возмутился Генерал. – Интересно, кто их рассылает? Знаешь, Лунин, ты меня, наверное, крепко не любишь, да и я тебя тоже, но списки... Вот падлы!

Генерал схватил со стола блокнот, черкнул туда несколько размашистых строчек и на секунду задумался.

– Тебе куда лучше? Ты, кажется, преподаватель?

– Да куда угодно, – рассудил Келюс. – Хоть в издательство.

– Ага, – Генерал сделал новую запись. Затем спрятал блокнот и вновь задумался.

– Ладно, – заявил, наконец, он. – На работу тебя возьмут. Только, Лунин, имей в виду, насолил ты кое-кому крепко. Оружие есть?

Келюс ничего не ответил. Генерал усмехнулся.

– С собой не носи, но дома держи. Представим тебя и этого сержанта – Соломатина к ордену, авось приутихнут. И... вот что, Лунин. Память хорошая?

Николай кивнул.

– Я назову тебе телефон. Нигде не записывай. По нему ты меня всегда найдешь. Но только – если жизнь или смерть. Ясно? Будешь звонить, меня никак не называй. И себя не называй тоже. Выдумай кличку. Ну, псевдоним...

– Келюс, – предложил Лунин. Ничего другого в голову не пришло.

– Ага, «Графиня Монсоро», – сообразил Генерал. – У меня как раз дочка читает.

Он не стал называть номер, а записал его на листке блокнота, показал Келюсу, а затем сжег бумажку в пепельнице.

Фрол возвращался из больницы. Лида чувствовала себя заметно лучше, но случившееся было непоправимо: двигаться девушка не могла. Родители достали где-то немецкую инвалидную коляску, и курносая художница под присмотром Фрола училась ездить на ней по больничному парку.

Вчерашний визит медицинского светила не дал особых надежд. Рекомендовался санаторий и длинный список дефицитных лекарств. Светило также обмолвилось, что иногда сильные стрессы способны вывести больного из паралича, но при этом смотрело на Лиду с таким профессиональным оптимизмом, что девушка все поняла.

Фрол собирался уезжать и мучился, что ничем не сможет помочь. Впрочем, Келюс и Мик твердо обещали не забывать больную. Сама Лида держалась бодро, заявляя, что, как только вернется домой, попытается взять вновь в руки кисть.

В общем, настроение у Фрола было не из лучших. Открывая дверь, он услышал какой-то грохот. Ожидая чего угодно, дхар вихрем ворвался в квартиру и замер. Вся мебель была сдвинута с мест, швабра торжественно торчала посреди прихожей, а стук, доносившийся из кабинета, свидетельствовал о том, что Виктор, натиравший в данный момент пол, двигает огромный письменный стол.

– Ну даешь, елы! – поразился дхар. – Че, князя тоже полы натирают?

– Еще как, Фрол! – бодро отозвался Ухтомский. – Особенно в юнкерском. Пол у нас в актовом зале был, я вам доложу, как Дворцовая площадь.

– Это ничего! Мы у себя в Забайкальском зубными щетками пол мыли. Ладно, сейчас пособию.

При мощной поддержке Фрола уборка была завершена сравнительно быстро и без потерь. Пострадал только один из стульев в гостиной, распавшийся от мощного толчка дхара. Стул пришлось клеить эпоксидкой, после чего уборка была сочтена законченной, и молодые люди направились на сверкавшую чистотой кухню пить чай.

– Фрол, – обратился к дхару поручик, допивая вторую чашку, – вы не могли бы продиктовать мне эпос о Ранхае?

– По-дхарски? – удивился тот. – Начало, вроде, помню...

Он на минуту задумался, затем распевно, не торопясь, прочитал:

Ваху дхэн мариба дхори
Цхор бахсат Ранхай-гэгхэну
Эйсо энна хон-акуна
Вапалари айаримэ.
Ул Ранхай ю-лах зато
Глари басх алтэ а-квуми,
Арва-атур мгхути-цотэ.

– Только по-русски не смогу. Тебе хорошо, ты в гимназии учился!

– Да бросьте, Фрол! – решительно заявил Ухтомский. – Сможете. Пойдемте!

Они перешли в кабинет. Князь, усадив Фрола в кресло, достал из бумажных залежей чистую общую тетрадь и приготовил карандаш.

– Слышь, – не выдержал дхар, – а зачем тебе?

– А Рангайка чей предок? – усмехнулся Ухтомский. – Это будет почище родовой байки. Попробую потом стихами перевести. Размер легкий, как у «Калевалы». Давайте!

Фрол облегченно вздохнул, закрыл глаза и нерешительно начал:

– Ну... Слушай, племя серых дхаров... песню о воине... начальнике...

– Повелителе, – подсказал Ухтомский.

– Ну, повелителе Ранхае, великом сыне солнечного леса... Как там, елы? Могучем повелителе звезды и тучи...

– Красиво, – князь быстро водил карандашом по бумаге.

– Дорога... путь Ранхая вечен, его мир, война и работа...

– Деяния, – поправил Виктор, прицокнув языком.

– Деяния, – покорно повторил Фрол, – не подвластны злой ночи...

– Вот это фольклор! – удовлетворенно заметил Ухтомский, пока дхар переводил дух. – Это вам не «Гуси-лебеди»...

Когда Лунин вернулся домой, работа подходила к концу. Фрол постепенно сам вошел во вкус и время от времени прерывал русскую речь странно звучащими дхарскими словами. Ухтомский легко чертил в тетради строчку за строчкой.

– А, мемуары принца Дхарского, – понял Келюс. – Ваше дхарское высочество, как там у нас насчет ужина?

Ухтомский обещал забежать на следующий день, но так и не появился. Мик тоже пропал. Его матушка сообщила, что Михаил очень занят, причем ее тон не оставлял сомнений, что Плотников-младший действительно занялся наконец чем-то полезным.

Келюсу и Фролу это было на руку. До отъезда дхара требовалось закончить кое-какие дела.

...Вход в катакомбы, откуда их вывели омовцы, был теперь забран густой решеткой. Массивный замок выглядел угрожающе, но Фрол, специально заехавший как-то днем взглянуть на него, лишь похмыкал и попросил у Келюса разрешения покопаться в инструментах. В

свое время Лунин-старший недурно слесарил в свободное от партработы время, и дхар, быстро наполнив сумку всем необходимым, остался доволен.

Они вышли из дому поздно вечером, с полчаса бродили у Дома на Набережной, поглядывая по сторонам, но все было тихо. У решетки, загораживавшей вход, было также спокойно. Келюс стал светить фонариком, а дхар, тихонько насвистывая, занялся замком. Стальной страж явно не оправдал доверия – не прошло и пяти минут, как Фрол удовлетворенно хмыкнул и осторожно приоткрыл решетку.

Из подземелья несло холодом и сыростью. Николая передернуло, он плотнее запахнулся в специально надетую по этому случаю теплую куртку и осторожно шагнуть вглубь. Внезапно почудилось, что в глубине темного прохода раздался тихий стон.

– Чего там? – торопил его Фрол. – Пошли быстрее, елы!

– А ну-ка, Мессинг, – предложил Лунин, освобождая путь, – послушай...

Дхар озабоченно прислушался, затем провел по воздуху руками, подумал.

– Никого! Там, Француз, даже кошака бродячего, и того нет. Ручаюсь.

Келюс не стал спорить, и они двинулись вперед, подсвечивая фонариком. Вокруг было тихо, только песок шуршал под ногами да слышался стук падавших капель.

...В зале, где барон Корф в последний раз увидел огонь догоравшей свечи, теперь было пусто, только следы пуль на стенах да неглубокие воронки на полу напоминали о той ночи. Тело барона лежало в навек запаянном гробу, а то, что осталось от Тани Корневой – Кору, – как сказал Келюсу следователь, передали ее родным. Внезапно фонарик упал на что-то, тускло блеснувшее холодной сырой сталью. Егерский нож – трофей барона – лежал там же, где его оставили, незамеченный теми, кто забирал тела.

– Мику отдадим, – решил Келюс, пряча находку. – Все-таки память!

Они свернули налево и пошли по узкому коридору. Здесь тоже ничего не изменилось. То и дело слева и справа в свете фонаря возникали ниши, под ногами шуршали мелкие камни и битый кирпич, а воздух был все тот же – сырой, затхлый.

– Сейчас гроб будет, – вспомнил невозмутимый Фрол. – Не бойсь, Француз, прорвемся.

Луч фонарика выхватил из темноты нишу вместе с черной крышкой, и тут рука Келюса дрогнула: гроб был открыт, крышка сдвинута в сторону, каким-то чудом не упав на землю. Фрол покачал головой, забрал у Келюса фонарик и, посветив, заглянув внутрь.

– Пусто, – Лунин, преодолевая невольный озноб, заглянул следом. – Наверное, взломали. Кладоискатели, бином...

Фрол осмотрел края крышки и вновь покачал головой. Следов взлома не было, крышку просто вырвали с чудовищной силой. Но ухватиться было не за что – поверхность казалась гладкой.

– Вот елы! – констатировал дхар. – Либо у кого-то дури побольше, чем у Василия Алексеева и он просто за края взялся, либо...

– Либо что? – подхватил Лунин, заметив, что Фрол замолчал.

– Либо изнутри нажали... Пошли отсюда, Француз, мебель, в карету ее!

Вскоре они добрались до ниши, где оставили документы и оружие. Тайник был в полной сохранности, даже бумага, к удивлению Келюса, не особенно отсырела. Тонкие папки сложили в стопку и спрятали в захваченный с собой рюкзак. Туда же Фрол уложил браунинг и оба револьвера. Автоматы решили не трогать.

– Ну чего, – заметил дхар. – Назад? Или на Алию поглядим?

Николая передернуло. Ни за какие сокровища он не мог заставить себя вновь подойти к запечатанному дхарским заклятием входу, за которым лежали кости князя Полоцкого.

– Пошли отсюда, Фрол – вздохнул он. – Хватит на сегодня, а?

– Сейчас, – дхар напряженно вслушивался, затем осторожно провел по воздуху руками.

– Можно не смотреть, сняли мое заклятье. И Алии там, елы, нет. Так что заряди-ка, Француз, браунинг. Мало ли чего?

Впрочем, обратный путь прошел без приключений, разве что Николай пару раз оступился и слегка ушиб ногу. Всю дорогу Лунин напряженно прислушивался, но вокруг стояла все та же жутковатая тишина.

– Слышь, потомок Гхела, ты уверен? – спросил Келюс Фрола, покуда тот возился, запирая замок.

– В чем?

Если открыть замок не составило труда, то обратный процесс вызвал куда больше трудностей.

– Ну заклятье, бином. Алиа...

– Да... Знаешь, Француз, когда мы обратно шли... Не хотел, елы, тебя зря пугать...

– Там кто-то был?

Келюс похолодел, хотя замок наконец закрылся и от подземелья их отделяла стальная решетка. И словно в ответ откуда-то из глубины донесся чудовищный вой, полный такой тоски и ненависти, что даже невозмутимый Фрол отступил на шаг.

– Ярты?

– Хуже – гургунх-эр. Потом объясню, Француз. Решетка – это, елы, конечно, хорошо...

Только дома, свалив добычу прямо на пол и запечатав дхарским заклятием двери, они перевели дух.

– Прямо не знаю, как тебя здесь, Француз, оставлять, – озабоченно заметил Фрол. – Ну и город, елы! Прав дед, хуже нашего леса. Поехали со мной, а? У нас в Дробь Шестнадцать тихо. Ну, февральский волк там...

– Спасибочки, – покачал головой Келюс. – За этого февральского – в отдельно. Так что за гургунх?

– Гургунх-эр. Он – вроде как всем яртам хозяин. Да ну его, Француз!..

Они почистили оружие, честно поделили скудный запас патронов, после чего Келюс спрятал серые папки в старый чемодан. Сверху он набросал разное тряпье, а чемодан совместными усилиями был водружен в самый дальний угол антресолей.

Наутро, как раз после чая – кофе кончился накануне, – в дверь позвонили, и на пороге появился Мик в куртке «Порше» с большой сумкой, на которой красными буквами была отпечатана реклама какой-то хьюстонской фирмы.

– О! – обрадовался Келюс. – Пропавшая грамота, бином!

– Здорово, мужики! – заявил Мик. Вид у него был какой-то непривычный. Плотников-младший держался не просто с достоинством, но и чуть ли не с легким оттенком превосходства.

– Попрощаться зашел. Уезжаю.

– Это куда? – поинтересовался Фрол, невозмутимо оглядывая Мика, который, сняв куртку, принялся долго и тщательно причесываться у зеркала.

– По батиным делам. Меня в фирму взяли. Перевелся на заочный, – сообщил он, с уважением поглядев на себя в зеркало и спрятав расческу. – Так что, мужики, не скоро увидимся.

– Ну, удачи тебе, – пожелал Келюс. – Да, Мик, у нас к тебе одно дело. Пойдем-ка...

Они прошли в кабинет, и Лунин кивнул на стол, где лежал тщательно вычищенный и даже заново заточенный егерский нож.

– Бери! Мы его в подземелье нашли. На память о дяде Майкле.

Глаза Мика блеснули. Он осторожно взял нож в руки, чуть погладил его, вновь положил на стол.

– Спасибо, Николай! Он мне пригодится. Прадедов... Моего прадеда дяди Майкла...

Келюс и Фрол переглянулись. Стало ясно, что знакомство с генералом Тургулом состоялось не зря.

– Зря вы тогда молчали, мужики. И дядя Майкл мне про Канаду рассказывал... За маленького держали!

– А ты бы поверил? – хмыкнул Фрол.

– Да ладно, что теперь уж, – вздохнул Плотников, – ничего...

Он секунду помолчал, затем плечи выпрямились, взгляд потемнел, правая рука легла на клинок, а голос внезапно стал низким, будто Мик сразу постарел на много лет:

– Мужики... Господа!.. Клянусь, что отомщу большевикам за дядю Майкла! За Лиду! За все... Я... Я им устрою исторический материализм!..

Мик аккуратно завернул нож в носовой платок и спрятал в сумку, после чего пожал всем руки и откланялся, пообещав позвонить или написать при первой же возможности. Когда дверь закрылась, Келюс с Фролом вновь переглянулись. Все это было очень странно.

– И мне пора, – заметил дхар. – Поеду-ка я за билетами, Француз. Засиделся я тут!

Фрол уезжал вечером на следующий день. Громада Казанского вокзала оглушала многоязыковым гомоном, хриплым лаем репродуктора и шумом уборочных машин. Гигантская толпа с мешками, сумками и кошелками чуть не раздавила Келюса и Фрола, и они с облегчением перевели дух, оказавшись на перроне.

Фрол был невесел. Накануне он побывал у Лиды, а за несколько часов до отъезда они с Келюсом съездили на старое кладбище, где под желтыми осыпавшимися рябинами груда венков обозначала место последнего успокоения Корфа. На кладбище Фрол не сказал ни слова, но Лунин заметил, что дхара все время мучает какая-то мысль. Он даже спросил Фрола, но тот отмолчался.

Лунин докуривал сигарету, а некурящий дхар смущенно переступал с ноги на ногу.

– Один остаешься, Француз, – молвил он наконец. – Только Лидка...

– Да, – кивнул Келюс, – один...

Накануне позвонил Тургул, сообщив, что они с поручиком покидают Столицу. Генерал благодарил Келюса за помощь и гостеприимство и просил передать привет от Ухтомского. Николай невольно пожалел, что не сможет снова встретиться с Тургулом. Он был бы не прочь закончить странный разговор, который они вели в поминальный вечер...

– Я тебе напишу, – пообещал Фрол. – Правда, елы, попозже. Мне ж работу искать надо! Гуляю, елы, с июля...

– Найдешь, – усмехнулся Лунин. – Ты же гегемон! Револьвер спрячь подальше, фрейшюк вятский...

– Да чего я, маленький? Это ты тут не задирайся, Француз. Ну ладно, пора...

Фрол внезапно стал очень серьезным, поднял правую руку и медленно произнес:

– Эннах, Николай! Квэр аг-эсх ахусо эйсор аг эрво мвэри! Квэр аг-лах мгхути-цотх!

– И тебе того же, полиглот! – вздохнул Келюс, пожимая широкую руку дхара. – Может, переведешь?

– Это наше старое пожелание: «Будь счастлив! Да будет с тобой Великий Свет и Высокое Небо! Да минует тебя тьма!» Ну, Француз, будь!

Он взял свою сумку и, повернувшись, не спеша пошел к вагону, но внезапно остановился, постоял секунду-другую и резко повернулся. Келюс, почувствовав тревогу, поспешил подойти.

– Француз... Николай... – нерешительно начал Фрол. – Вот, елы, не знаю, как и сказать... Я еще на похоронах почувствовал и тебе еще тогда сказать пытался, да как раз Ухтомский помешал. А сегодня, как мы на кладбище были...

Поезд засвистел и задергался.

– В общем, Француз. Не знаю, елы, почему, но в гробу Михаила не было.

– Как?!

Келюс мог ожидать всякого, но не такого. По крайней мере, все это время утешала мысль, что барон все-таки упокоился в родной земле.

– Не было, – мотнул головой дхар, – там вообще никого не было, земель набили, что ли. Знаешь, как в Афгане бывало. Я и сам, елы, поверить не мог, но сегодня, когда на кладбище...

Поезд дернулся и начал медленно отходить. Фрол, махнув рукой, схватил сумку и вскочил на подножку уходящего вагона. Колеса стучали, поезд ускорял ход, а растерянный и пораженный Лунин стоял на грязном асфальте перрона, не в силах двинуться с места. Не хотелось верить тому, что сказал Фрол, но в глубине души он понимал, что дхар не ошибся. Но что бы это ни означало, теперь все решать придется самому. Лунин оставался один...

– Не падай духом, воин Николай, – услышал он внезапно знакомый голос. Все еще не веря, Келюс резко обернулся. Варфоломей Кириллович стоял рядом и смотрел вслед уходящему поезду.

– Здравствуйте, Варфоломей Кириллович! – вздохнул Келюс, которого появление старика отчего-то почти не удивило. – Жаль, что опоздали. Фрол бы обрадовался...

– Не опоздал я. С воином Фроатом мы еще увидимся. Ему сейчас домой ехать, к батюшке и матушке. А тебе, воин Николай, здесь оставаться.

– Да, – кивнул Келюс. – Мик умотал куда-то, теперь Фрол... Да вы, наверное, как всегда, все знаете.

– Знаю...

– Жалею, что скантр отдал, – вздохнул Лунин. – Разобраться бы с ним! Да что было делать? Они же... А если его отдавать было нельзя? Даже если бы всех нас из автоматов покрошили? Что же теперь делать?

– Тебе решать, воин. И за себя, и за других. Хорошо ли сие, худо – да так, видать, судилось.

– Скажете еще! – поморщился Лунин. – Да какой из меня командир? Фрол бы...

– Не думай за него, – покачал головой старик. – За себя думай, воин. Могло выпасть сильному, могло – слабому. Да только выпало тебе.

– Мне? Но... что я должен делать?

Ответа не было. Николай оглянулся – Варфоломей Кириллович исчез. Перрон был пуст, только холодный осенний ветер шевелил каким-то чудом попавший сюда кленовый лист.

Глава 3. Ольга

В небесах царила Черная Обезьяна, деревья в столичных парках покрыла молодая листва, а над городом уже прогремели первые грозы. Стоял май года от Рождества Христова 1992-го.

Эти шесть месяцев прошли для Келюса быстро и почти незаметно. Прошлого редко напоминало о себе. Через несколько дней после отъезда Фрола Николаю позвонили из одного крупного издательства, и уже на следующий день он работал в отделе исторической литературы на третьем этаже большого здания недалеко от метро «Новослободская». Постепенно Лунин привык и не без удовольствия погрузился в пухлые рукописи о делах ушедших в вечность вождей и героев. Жил он по-прежнему один, и зарплаты вполне хватало даже в эти трудные месяцы. Его оставили в покое. Никто за ним не следил, не звонил по телефону, даже следствие по поводу гибели Корфа прекратилось как-то само собой.

В январе, когда город был бел от первых метелей, Келюса пригласили в Белый Дом и вручили орден. Удивило, однако, то, что орден выдали в канцелярии под расписку. Торжественное вручение состоялось через неделю, но на эту церемонию, где присутствовал сам Президент, Николая не позвали. Зато туда попал Фрол. Он был вызван в Столицу, получил из рук Президента награду и заодно угодил на первые страницы центральных газет – из всех награждаемых репортеры выбрали именно его.

У Фрола все ладилось. Он работал в строительном кооперативе, обзавелся курткой «Аляска» и смотрел на жизнь достаточно оптимистично. Дхар сразу же поинтересовался вестями от Мика, но Келюс мог сообщить лишь то, что сам узнал у его родителей: Плотников-младший жив, здоров, однако в Столице появится нескоро.

Фрол уехал, и жизнь Лунина потянулась все так же спокойно и монотонно. Все эти месяцы Келюс виделся только с Лидой. Курносая художница жила дома, но двигаться могла лишь в немецкой инвалидной коляске. Иногда Николай возил ее в соседний парк, и Лида пыталась рисовать. О прошлом почти не говорили, спасала интеллигентская привычка часами беседовать ни о чем.

Как-то в середине мая Николай затеял уборку. Делал он это редко, однако основательно. Наведя порядок в комнатах, Келюс задержался лишь в кабинете. Тщательно вытерев пыль на книжном шкафу, он уложил ровными стопками бумаги деда, все еще лежавшие в углу, и занялся ящиками стола. Среди всякого ненужного хлама он вынул небольшую черную коробочку из-под китайского чая, сохранившуюся еще с пятидесятых годов. Николай подумал было, зачем этой коробке лежать в письменном столе, и вдруг вспомнил, что сам укладывал ее сюда. Еще через секунду Келюс знал и то, что там лежит. Эту вещь он не доставал уже полгода, почти забыв о ней.

...Позолоченный усатый профиль презрительно и равнодушно смотрел куда-то вдаль. Станный значок, давний подарок, пропуск за светящуюся молочную пелену. Он работал; волна непонятной энергии охватила Николая, придав силы, но одновременно породив какую-то тревогу.

«Лунин, – вдруг услышал он чей-то тихий голос, – Коля... Коля Лунин...»

Голос шел не из значка, даже не со стороны, а, казалось, возникал прямо в мозгу. Келюс помотал головой, отгоняя странное наваждение, аккуратно упаковал и спрятал значок, затем закончил уборку кабинета и вдруг понял: что-то случилось. Словно разжались невидимые тиски, сжимавшие его все это время.

Да, он стал свободен – и ничего еще не кончилось. Но Николай уже знал, что должен делать.

За эти месяцы старый чемодан покрылся пылью, а пропитавшиеся сыростью подземелья бумаги стали сухими и ломкими. Келюс аккуратно рассортировал папки по номерам, достал несколько листов чистой бумаги и тщательно, словно в незабвенные студенческие годы, расчертил их в некое подобие таблицы. Можно было начинать.

Внешне в следующие несколько дней ничего не изменилось. Николай ходил на работу, совершал круги по магазинам и смотрел вечернюю программу новостей. Разве что теперь он стал еще более молчалив, сторонился коллег, а под глазами легли еле заметные тени. Каждый вечер Лунин садился за стол, и аккуратно расчерченные листы покрывались все новыми записями.

Да, внешне ничего не изменилось, но Келюс вдруг ощутил, что исчезло привычное чувство одиночества. Вначале он решил, что просто разгулялись нервы. На улице за ним никто подозрительный не шел, тайные пометки, оставляемые на двери, оставались по возвращении нетронутыми, но что-то говорило Лунину о верности его догадок. И в один из вечеров он понял, что не ошибся.

... Сначала внимание привлекли шаги на лестнице. Было не поздно, далеко не все соседи вернулись с прогулки или с поздней работы, но тот, кто шел, спускался откуда-то сверху. В этом также не было ничего необычного, хотя вниз соседи ездили, как правило, на лифте, однако Келюс почему-то встревожился. Он сгреб со стола все бумаги, сунул в ящик и прислушался. Шаги приблизились, замерли перед дверью. Незнакомый стоял несколько секунд, а затем нажал кнопку звонка.

– Мне Лунина, – сказали за дверью. – Коля, это ты?

Келюс удивился – и не зря. Колей его давно уже никто не называл, однако странный голос показался знакомым.

– Кто вы?

За дверью воцарилось молчание, затем голос нерешительно произнес:

– Я Лунин. Петр Андреевич Лунин. Коля, открой!

Келюсу стало жарко. Среди здравствующих родственников он не знал никакого Петра Андреевича. Единственный человек, которого так звали, был исчезнувший в конце тридцатых родной брат деда – молодой, улыбчивый, с небольшой острой бородкой, каким он остался на старых фотографиях. Лунин подумал о невероятности происходящего и открыл дверь.

Человек шагнул через порог, свет лампы упал на лицо, и Николая из жара бросило в холод. Ошибиться было невозможно – брат деда, сгинувший, оплаканный и давно забытый, стоял перед ним. Только вместо кожанки, которую он носил когда-то, на Петре Андреевиче был модный серый костюм.

– Коля... Я... Ты, наверное, удивился, – так же нерешительно произнес он. – Я сниму туфли. У тебя есть тапочки?

– Не надо снимать, – выдохнул Келюс, гость послушно вытер ноги о тряпку. – Проходите.

Николай провел странного посетителя в гостиную. Петр Андреевич с интересом оглядывал квартиру, в глазах его была та же растерянность и, как показалось Николаю, боль.

– Давайте договоримся сразу, – вздохнул Лунин-младший. – На призрака вы не похожи. Если вы самозванец, то это, бином, просто неостроумно. А если нет...

– Разве ты меня не узнал, Коля? – совсем растерялся гость. – Мы ведь виделись, помнишь? Тогда у вас был... кажется, 1974 год. Я еще с сыном был, с Кимом.

Келюс вспомнил. Тогда ему было десять лет, и его сверстник, очень серьезный и даже немного хмурый мальчик, сделал ему странный подарок. Именно этот подарок лежал сейчас в коробке из-под китайского чая.

– А почему вы не отдали скантр деду? Ведь я мог его попросту выбросить.

– Скантр? – переспросил гость. – Ах да! Это не я. Ким дал тебе свой. Я предлагал Николаю пропуск... скантр... Но он не взял. Ведь он всегда мог воспользоваться...

Но тут гость осекся и замолчал.

– Ладно, – продолжал Келюс. – Будем считать, я вас вспомнил. Ну, а остальное вы не желаете объяснить?

– Я думал, ты уже все знаешь. Ты ведь уже был у нас.

– А, в «Кармане», – понял Лунин. – Ну а все-таки?

Гость пожал плечами.

– Дед должен был тебе рассказать. Еще в конце двадцатых, когда строился этот дом, было заранее запланировано убежище – «Карман»... Мы называли его иначе – «Ковчег». Уже тогда кое-кто понимал, что оно скоро понадобится. Мы предусмотрели хорошую защиту...

– И разницу во времени, – подсказал Келюс.

– Да, – кивнул гость. – Хотелось не просто выжить, но и дожить...

– До коммунизма?

– Хотя бы до лучших времен, – невозмутимо ответил Петр Андреевич. – Многие вышли еще после XX съезда. Во всяком случае, стало возможным иногда выходить в гости. А потом начался отъезд... Мы с Кимом уехали как раз в 1974-м. Тогда мы заходили прощаться.

– В Америку, что ли, перебрались? – поинтересовался Келюс, хотя и понимал, что речь идет явно не об Америке.

Гость покачал головой.

– Ты узнаешь об этом, Коля. Потом. Сейчас это тебе... ну просто ни к чему. В общем, мы с Кимом были очень далеко, и я никак не мог успеть на похороны...

– Ясно, – кивнул Николай. – Чаю хотите?

За чаем разговор стал спокойнее. Гость расспрашивал Келюса о работе, о дальних родственниках, о которых Лунин-младший уже думать забыл, но ни о себе, ни о своих делах не распространялся. Вскоре Николай понял, что гость прекрасно знаком с последними политическими новостями, а после того, как Петр Андреевич поздравил его с орденом, решил, что и о нем странный визитер знает куда больше, чем показывает.

– Ты, наверное, думаешь, зачем я пришел? – наконец, спросил Петр Андреевич, глядя не на Келюса, а куда-то в сторону.

– Повидаться, наверное, – спокойно ответил Николай. – Все-таки родичи...

– Да, повидаться... Коля, отдай мне бумаги.

Келюс не стал спрашивать какие. С братом деда не хотелось ломать комедию.

– Все? – поинтересовался он. – Или, может, половину?

– Все. Пойми, Коля, это в наших общих интересах.

– А какие это у нас общие интересы? Я коммунизм строить не собираюсь.

– Коля, да при чем тут коммунизм! – вздохнул гость. – Эти бумаги ищут. Тебе очень повезло, Коля. И тут, и у нас думают, что Волков уже переправил их, поэтому тебя и оставили в покое. Но ведь еще неделя-другая – и тогда...

Петр Андреевич покачал головой, но Келюс и так понимал, что будет «тогда».

– Есть еще один путь, – усмехнулся он, – я отдам все это добро в прессу. Сейчас не 37-й и даже не 85-й. Напечатают!

Гость молчал, глядя себе куда-то под ноги, и было непонятно, слушает он или нет.

– Хотя бы бумаженцию из папки 8, – продолжал Николай, – биография Вождя. Знаете такую?

– Написана в 1925 году. Два экземпляра. С пометками Генерального.

– Забавная биография, правда? И родился вождь не 22, а 12 апреля, и звали его, оказывается, Николаем...

– В словаре «Гранат» он тоже Николай, – пожал плечами Петр Андреевич. – А в дипломе юрфака его отчество «Иванович». И кто на это обратил внимание?

– Да, но там не сказано, что Вождь, оказывается, скончался не в 24-м, а мирно умер от тифа в январе 1893 года в городе Самаре. И там не было фотографии надгробной плиты с именем раба Божьего Николая, умершего в 23 неполных года. А интересно, кто это умер в таком случае в 24-м? По-моему, это у вас называется Тайна Больших Мертвецов?

– Если ты читал резолюцию Генсека, – не поднимая глаз, ответил Петр Андреевич, – то можешь не сомневаться, что надгробная плита давно приведена в надлежащий вид. Это еще не Тайна Больших Мертвецов, Коля. Да и в газете все сие будет выглядеть бледно. Мало ли сейчас сплетен?

– Ну тогда, может, читателей развлечет секретный протокол к советско-китайскому договору 1950 года? – вновь улыбнулся Лунин. – Что мы там охраняли? Может быть, то, что называется «Око Силы?»

– Такого термина там нет, – возразил гость, по-прежнему не глядя на Келюса.

– Зато есть Объект № 1. И даже его карта, правда, в другой папке. В той самой, за которую убили вашего брата.

– Коля, – покачал головой Петр Андреевич, – ты же ничего не можешь изменить! Неужели ты не понял, насколько они всемогущи? Даже если бы ты спрятал... или уничтожил скантр Тернема, то только бы на время отсек Око Силы от Столицы. Ведь у них еще есть Крымский Филиал, у них много что еще есть, Коля! Ты не только не пробьешь сердце, ты даже не сможешь отрубить щупальца.

– Да кто это «они»? – не выдержал Николай.

Петр Андреевич не ответил, затем медленно встал.

– Все-таки подумай. Здесь эти бумаги сгинут, причем вместе с тобой. А значок береги. На всякий случай: квартира № 211, это в соседнем подъезде. Нажмешь звонок четыре раза, дверь откроется сама. И не забудь значок.

– Я знаю, – Келюс вспомнил дергающийся скелет у светящегося входа. – Неплохо это у вас придумано! За приглашение спасибо, только, Петр Андреевич, бумаг я не отдам. И дед, наверное, вам бы их тоже не отдал. Так что извините... А правда, что вы с Бухариным дружили?

– Да, – кивнул Петр Андреевич. – Дружили. Он не захотел уходить в «Карман». Все не верил...

Келюс хотел поинтересоваться, чему именно не верил покойный Николай Иванович, но странный гость попрощался и аккуратно закрыл за собою дверь. Послышались шаги. Петр Андреевич шел не вниз, на улицу, а поднимался, откуда пришел, – вверх.

...На следующий вечер, вернувшись с работы, Келюс зарядил пленку в свой старый «Зенит» и, аккуратно разложив бумаги на столе, принялся фотографировать страницу за страницей. Дело оказалось долгим. Проявленные пленки Николай аккуратно завернул в мягкую бумагу, сложил в картонную коробку из-под печенья, а на следующий день, возвращаясь с работы, заехал к Лиде и отдал ей на хранение. Больше в Столице доверить их было некому.

Еще несколько дней Келюс жил в напряжении, ожидая неприятных встреч на улице или непрошеного ночного визита. Однако все было тихо. Однажды Николай не выдержал и, спустившись во двор, направился в соседний подъезд. Дверь в квартиру 211 мало чем отличалась от соседних, разве что выглядела подозрительно новой, да и замочная скважина, как сумел рассмотреть Келюс, оказалась декоративной. В конце концов Лунин не только успокоился, но и начал посмеиваться над собой за излишнюю предосторожность.

Как-то обычным майским днем Келюс сидел в большом редакционном кабинете, листая очередную рукопись и поглядывая на шумящий кофейник. Он ждал возможности выпить кофе с нетерпением, это был повод хотя бы ненадолго оторваться от опуса, над которыми приходилось работать. Бравый автор лихо разбирал по косточкам еврейское происхождение великого князя Владимира, многословно обосновывая сущность сионистской политики Равноапостоль-

ного. Николай уже несколько раз поглядывал на мусорную корзину, но большего позволить себе не мог: рукопись передал лично главный редактор.

Кофе закипел. Довольный Келюс встал из-за стола, направляясь к кофейнику, возле которого одна из сотрудниц уже колдовала с чашками, но выпить ароматный напиток на этот раз не пришлось. В дверях послышались шаги, а затем голос одного из сотрудников соседнего отдела: «А вот он, Лунин! Кофе пьет в рабочее время!»

Келюс оглянулся. В дверях синела милицейская фуражка.

– А, гражданин Лунин! Подь сюды!

Келюс не стал возражать против формулировки и направился к двери. Он чувствовал, как за спиной затаили дыхание коллеги. То, что у Николая не все в порядке с политической биографией, знали все.

В дверях стоял молодой серьезный парень в милицейской форме, лицо которого сразу же показалось знакомым. Николай всмотрелся.

– Сержант Лапин, кажется?

– Так точно, – кивнул тот. – Я тебя тоже, Лунин, запомнил. Как тот парень, что мы к тебе привозили? Жив?

– В лучшем виде. Так я вас слушаю.

– Чего слушать? Поехали!

И сержант кивнул куда-то в сторону лестницы. Келюс, как и все, привык к тому, что человека могут забрать не только из рабочего кабинета, но даже из собственной спальни, однако недавнее прошлое заставляло его проявлять странную для граждан этой страны щепетильность.

– Ордер есть?

– А-а-а, – протянул сержант, – законы знаешь? Не бойсь, Лунин, ты не арестован. Тут дело другое.

– Скажите это им, – Николай кивнул в сторону коллег, ловивших каждое слово.

– Можно, – согласился Лапин. – Граждане! Гражданин Лунин срочно требуется в 83-е отделение на предмет опознания потерпевшей. Усе, граждане, прощу расходиться, усе в порядке!

Келюс забрал со стола сигареты, с сожалением поглядев на так и не выпитый кофе, и направился вслед за сержантом. Милицейский «луноход» доставил Николая в 83-е отделение, где на него посмотрели сурово и потребовали документы. К счастью, у Лунина оказался с собой паспорт, который был исследован самым внимательным образом, причем фотографию несколько раз сверяли с оригиналом. В конце концов пожилой капитан завел Келюса в кабинет и усадил на стул напротив себя.

– Ну, Николай Андреевич, – загадочно начал он, – может, сами все расскажете?

Годом раньше Лунин не упустил бы возможности задать несколько изящных вопросов, которые обычно доводили представителей власти до белого каления, но сейчас охоты играть в эти игры уже не было.

– Слушаю вас, – произнес он как можно суше, глядя капитану прямо в глаза. Как ни странно, тон подействовал.

– Вы знаете гражданку по имени Ольга? – милиционер достал лист бумаги, словно собираясь вести протокол.

– Я знаю несколько гражданок с таким именем, – столь же сухо ответил Келюс. Капитан выжидательно поглядел на него, ожидая продолжения, но Лунин и не думал что-либо добавлять к сказанному.

– В таком случае, – нахмурился капитан, – известен ли вам гражданин по кличке, – он заглянул куда-то в папку, – да, по кличке Мик?

– Известен. Это Михаил Николаевич Плотников, студент Бауманки.

Келюс хотел спросить, в чем, собственно, дело, но, будучи человеком опытным, понимал, что тут же услышит бессмертную фразу: «Вопросы здесь задаю я». Поэтому он замолчал. Милиционер также умолк, о чем-то раздумывая. Это заняло немало времени и сил. Наконец, что-то решив, он достал платок и вытер пот со лба:

– Вот что, Николай Андреевич, вы, как я понимаю, человек верный. Орден у вас... Да... были в Белом Доме... Вы не думайте, мы все о вас знаем. Так вот, тут такое странное дело...

Капитан говорил долго, путано, повторяясь, но в конце концов Келюс начал понимать. Сегодня утром патруль на одной из улочек рядом с Савеловским вокзалом услышал стрельбу. Милиционеры оказались людьми храбрыми и через минуту уже были на месте, однако успели лишь заметить двоих неизвестных, убегавших в сторону трамвайной остановки. На асфальте лежала без сознания девушка, которую вначале сочли раненой. К счастью, как выяснилось позже, пули в нее не попали, она лишь сильно ушиблась при падении. Стрелявших догнать не удалось. Девушка была в глубоком шоке и назвала только свое имя. Пострадавшую хотели направить в больницу, но на всякий случай осмотрели ее вещи. Документов у Ольги не оказалось, зато было обнаружено письмо, на конверте которого имелся адрес Николая Андреевича Лунина. Вместо подписи в послании стояло «Мик».

– Дайте письмо, – потребовал Келюс.

Капитан поглядел на него с явным сомнением, но, все-таки решившись, достал из ящика разорванный конверт. Николай взглянул сначала на адрес, а потом на само письмо. Насколько он мог помнить, это была действительно рука Мика. Бегло прочитав послание, он удивился и стал читать еще раз.

«Дорогой Келюс! – писал таинственно исчезнувший Плотников-младший. – Этой девушке грозит смертельная опасность. Помогите ей, чем можете. Ни о чем ее не расспрашивайте, и пусть она обязательно наденет известный Вам значок. У меня все в полном порядке».

Внизу стояло «Мик». Ни даты, ни названия города не было.

– Ну и что? – спросил Николай, надеясь выиграть время.

– То есть как? – удивился капитан. – Это я вас собираюсь спросить.

Придумывать что-либо связное не было возможности. Приходилось рассчитывать на импровизацию.

– Понимаю, – Келюс многозначительно посмотрел на капитана. – Это дело действительно секретное. Государственное...

Капитан весь подобрался. Лунин, бросив на него серьезный взгляд, продолжил:

– Товарищ Плотников находится сейчас в... – Келюс на мгновение задумался. – Приднестровье... Зачем – сообщить не имею права, я давал подписку. Но вы, надеюсь, понимаете, о чем идет речь?

Капитан слушал, забыв закрыть сам собою раскрывшийся рот, затем моргнул и произнес что-то невнятное, из чего Николай смог уловить лишь слова о румынской экспансии.

– Ольга – дочь директора крупного оборонного предприятия из Тирасполя... Надо ли продолжать, товарищ капитан?

Милиционер вновь задумался. Вероятно с такими проблемами в 83-м отделении сталкиваться еще не приходилось.

– Понятно, понятно, – наконец произнес он. – Особые интересы, конечно... Кто же в нее стрелял, Николай Андреевич?

Келюс и не думал отвечать. Он смотрел прямо в лицо капитану и держал паузу.

– Неужели румыны? – охнул милиционер. – Эта, как ее, сигуранца? О Господи, тут от чечен проходу нет!

Капитан еще некоторое время изливал бессвязные жалобы на засилье лиц кавказской национальности, а затем предложил Келюсу составить протокол. Лунин не стал возражать, и вскоре документ, где потерпевшая, с легкой руки Николая названная Ольгой Константиновной

Славиной, был готов. Так как новоявленная гражданка Славина находилась в состоянии шока и нуждалась в госпитализации, Келюс любезно согласился подписать бумагу вместо потерпевшей. Трудный вопрос был, плохо ли, хорошо, но разрешен, и капитан, заметно оживившись, предложил пройти в другой кабинет, где находилась потерпевшая.

Они вошли в большую пустую комнату, где на кушетке в полном одиночестве сидела та, которую Келюс окрестил гражданкой Славиной. Николай бросил на девушку беглый взгляд и понял, что никогда ее не видел. Впрочем, сейчас было не до наблюдений. Он широко улыбнулся, произнес: «Добрый день, Ольга Константинова!» – и пристально посмотрел ей в глаза.

– Здравствуйте, Николай Андреевич, – спокойно ответила та, будто видела Келюса не первый, а минимум сотый раз.

Лунин невольно удивился – Ольга казалась абсолютно спокойной. Она сидела на кушетке ровно, словно опираясь на невидимую спинку. Руки лежали на коленях, голова с чуть разбросанными в беспорядке каштановыми волосами была откинута немного назад. Лишь глаза смотрели на Келюса с едва скрытым ужасом.

Впрочем, эти нюансы мало интересовали капитана. Он громко, словно обращаясь к глухонемой, сообщил Ольге, что гражданин Лунин произвел опознание и с этой минуты она свободна. Что касемо неизвестных преступников, то меры по их поимке принимаются, и о результатах следствия ей будет сообщено в должный срок.

Капитан оказался настолько любезен, что выделил машину, чтобы подвезти Ольгу и Келюса к Дому на набережной. Больше везти странную гостью Николаю было некуда.

Ольга все с тем же наружным спокойствием кивнула капитану, не торопясь вышла из здания и села в автомобиль. Сержант Лапин, решив блеснуть воспитанием, поспешил открыть дверцу «лунохода». Девушка автоматически поблагодарила, и Келюс поневоле вздрогнул: Ольга говорила по-французски.

По просьбе Лунина «луноход» не стал заезжать во двор и остановился чуть в стороне, недалеко от первого подъезда. Сержант Лапин пожелал всего наилучшего, «луноход» зачихал и отбыл восвояси. Келюс проводил его взглядом, а затем повернулся к Ольге.

– Ну, давайте знакомиться. Я действительно Николай Лунин.

– Ольга, – произнесла девушка, не прибавив, однако, ни отчества, ни фамилии. Пожатие небольшой руки оказалось неожиданно крепким.

– Николай Андреевич, я вас сильно подвела?

– Еще не знаю, – честно ответил Келюс и вдруг понял, что девушка держится из последних сил.

– Пойдемте, – как можно мягче добавил он, – здесь близко.

До квартиры девушка дошла спокойно, но, зайдя в прихожую, пошатнулась и, если бы не Лунин, не устояла бы на ногах. Николай успел довести ее до гостиной и усадить в кресло, и тут Ольгу стало трясти. Она закрыла лицо руками, заплакала и была не в силах даже выпить воды из принесенной Луниным чашки. Николай перепугался всерьез, и уже подумывал позвонить в «Скорую помощь», но сообразил, что объяснятся еще и с врачами, пожалуй, будет не в силах. Да и отправить Ольгу в больницу он не решался. Поэтому Келюс ограничился тем, что укрыл девушку пледом, а сам пристроился в сторонке.

Наконец гостья немного успокоилась и тихо произнесла: «Извините, ради Бога». Сказала она это по-французски, но Лунин уже не удивлялся.

– Я предлагаю на первое ванну, – как можно спокойнее произнес он. – На второе – чай с гренками, а на третье – немного поспать.

– Да, – тихо ответила девушка. – Спасибо, Николай Андреевич.

– Николай, – тихо поправил Келюс.

– Николай... Я... плохо соображаю.

– А и нечего соображать! – весело перебил Лунин. – Сейчас включу воду. Кажется, у меня даже есть чистое полотенце...

Когда девушка заснула, Келюс внимательно перечитал письмо Мика. Плотников-младший явно переконспирировал – особенно насчет значка с усыатым профилем. Однако Лунин предпочел Мику поверить, поэтому, пока Ольга спала, достал из вещей деда кусок тонкой старой кожи и, насколько мог аккуратно, зашил значок. Получилась своеобразная ладанка, к которой Николай прикрепил цепочку от подаренного когда-то амулета с Водолеем – его знаком Зодиака. Получилось неказисто, но прочно.

Ольга проснулась часа через три. Ей было заметно лучше, во всяком случае девушка уже пыталась улыбаться, хотя большие голубые глаза все еще хранили следы испуга. Келюс показал ей письмо, предложив примерить ладанку. Ольга вежливо поблагодарила и, не задавая вопросов, надела ее на шею. Что делать дальше, Келюс не представлял, а потому предложил выпить кофе, который после того, как Николай начал работать, вновь появился в доме.

– Давайте так, Ольга, – предложил он, когда черный дымящийся напиток был разлит по чашкам. – Мик просил не задавать вам вопросов. Согласен, но, может, вы мне сами что-нибудь расскажете?

Ольга задумалась, а затем покачала головой.

– Мне очень неудобно, Николай. Вы рискуете из-за меня, а я не могу даже назвать своей фамилии. Поверьте, на это есть причины.

Келюс обратил внимание, что, даже волнуясь, девушка сидела за столом так же ровно, с поднятой головой, как и в ту минуту, когда Николай ее впервые увидел. Похоже, это было привычкой, уже вошедшей в плоть и кровь. Чашку Ольга держала так изысканно, что Лунин, вспомнив случайно вырвавшиеся французские фразы, крепко задумался.

– Как там Мик? – поинтересовался он, надеясь, что, по крайней мере, самочувствие блудного студента Бауманки не составляет особой тайны.

– Мик? – переспросила девушка. – А, Михаил... У него все в порядке. Он очень хорошо вас описал, я смогла сразу же вас узнать. Он недавно был пожалован штабс-капитаном и...

– Что-о? – поразился Келюс. Девушка подняла на него удивленные глаза.

– Я... я не должна была этого говорить, да? Господи, меня же предупреждали!..

– Пожалован, значит? – выдохнул Лунин. – Ну, будем считать, что вы ничего не сказали. Теперь попробую я. Вы встретились с Миком в... несколько иное время, лет этак семьдесят с небольшим тому. Вам грозила опасность, не будем пока уточнять какая, и вас переправили сюда. Правда, и здесь вас уже ждали... э-э-э... неприятности. Пока все правильно?

Девушка кивнула:

– Меня должны были встретить, я прождала больше часа. А затем они стали стрелять... «Ну, удружил, друг Мик!» – подумал Келюс, естественно, не вслух.

– В общем, ясно. Разве что... Ольга, объясните, зачем Мик велел вам носить при себе эту штуку?

– Скантр, – тихо подсказала девушка.

Келюс кивнул:

– Да, скантр. Это имеет значение?

– Мик сказал, что в чужом времени человек может прожить недолго. Где-то месяца два, а то и меньше. Скантр создает какую-то оболочку... поле... Оно может защитить.

– Эх, жаль, барон об этом не знал! – пробормотал Келюс. – Ну, ладно, Ольга, надеюсь, у меня тут будет безопасно.

Последние слова он произнес с некоторой долей сомнения.

– Николай, – продолжала девушка. – Мик рассказывал мне о вас... о вашем времени. Я знаю, здесь тоже трудно, к тому же, вы человек небогатый. Я успела захватить с собой...

Она сняла с пальца небольшое золотое кольцо и протянула Келюсу. Острым голубым светом блеснули грани алмаза. Даже Лунин, с трудом отличавший сапфир от аквамарина, сразу понял, сколько может стоить такой камень.

– Не надо, – покачал он головой, отдавая кольцо девушке. – Оно вам еще понадобится. Да и не продать здесь такое, сразу заинтересуются. Чего там, все равно зарплату получаю!

– Что получаете? – не поняла Ольга.

– Ну, жалованье, – пояснил Лунин. – Оклад, так сказать – от родного правительства. Ладно, кофе пока есть, продержимся.

Проблемы материальные Келюса не очень волновали – с этим можно было какое-то время подождать. А вот кое-что иное беспокоило. Вечером Николай тщательно вычистил браунинг и пересчитал патроны. Их было мало, да и браунинг казался не очень надежным аргументом, и Келюс впервые пожалел об оружии, оставшемся в тайнике.

Впрочем, следующие несколько дней прошли спокойно. Келюс ходил на работу, давая каждый раз Ольге строгий наказ не открывать дверь и не подходить к телефону. Никто, однако, их не беспокоил, да и сама девушка оказалась очень удобным квартирантом. Несмотря на протесты Лунина, она регулярно убирала квартиру, привела кухню в почти выставочный вид и реанимировала засохшие было цветы на подоконниках. Во всем остальном девушка вела себя тихо, много читала, а вечерами смотрела телевизор, который, похоже, очень ее заинтересовал. Держалась она бодро, но иногда ночами Николай слышал, как из ее комнаты доносится плач. Впрочем, по утрам Ольга вновь была спокойна, приветлива и делала вид, что ей очень нравятся немудреные остроты Келюса, которыми он сдабривал кофе.

Говорили мало. Лунин чувствовал – девушке сейчас не до него. Николай догадывался, что девушка пережила такое, по сравнению с чем его собственные мытарства могли показаться детским утренником.

Работа с бумагами постепенно подходила к концу. Келюс исписал с полсотни листов бумаги и теперь дочитывал документы из последних папок. Вначале Ольга не обращала внимания на эти вечерние штудии, однако затем поинтересовалась, решив, вероятно, что трудяга Келюс берет работу на дом.

– Вы так много работаете, Николай, – сказала она как-то вечером. – Может, я могу чем-нибудь помочь?

– Это не работа, – усмехнулся Келюс, отрываясь от содержимого очередной папки. – Это хобби, то есть... э-э-э... увлечение. Разбираю один архив. В общем, довольно страшно, хотя иногда бывает и забавно. Вот, например, сейчас читаю письмо из сумасшедшего дома...

– Вы, конечно, шутите, Николай! – улыбнулась Ольга.

– Совсем не шучу. Письмо из самого настоящего желтого дома, а точнее из Кашенковской больницы в одно очень и очень солидное учреждение.

– Помилуйте! – ужаснулась девушка. – О чем могут писать из этой самой Кашенковской больницы?

– Как о чем? Само собой, о марсианах. Вот, извольте видеть. «Генеральному секретарю...» и так далее. «Находясь в заключении по политическим мотивам, дойдя до края гибели, не имею другого выхода, кроме обращения непосредственно в Центральный Комитет...» Дальше жалобы на врачей-отравителей, которые его в эту Кашенку заслали, на какого-то партийного бронзу средней руки... А вот уже интереснее: «Не имею права скрывать страшный факт, ставший мне ясным в последнее время. Наша страна уже много лет оккупирована пришельцами с Марса, которые хотят использовать нас как плацдарм для захвата всей планеты...»

– Он действительно больной, – покачала головой девушка. – Но зачем такие бумаги держать в архиве?

– Вот именно – зачем? – согласился Келюс. – Тем более ставить на этом опусе визу: «Ознакомить всех членов Политбюро и секретариата»? А дальше идет, так сказать, аргументационная часть. Вы, Ольга, знаете писателя Богданова?

– Нет, – подумав, ответила она. – Наверное, он жил потом. В ваше время...

– Богданов жил как раз в ваше время. Хотя в том, что вы его не читали, нет ничего удивительного. В общем, с него все начинается. Этот Богданов, между прочим, первый в России написал роман о полете на Марс.

– Ну и что? – удивилась девушка. – Это же роман!

– Конечно, роман, – вновь согласился Келюс. – Большевики Марса помогают большевикам с Земли, или наоборот, не помню уже. А здесь сказано следующее: Богданов, один из руководителей так называемого Большевицкого Центра, имел отношение к самым секретным социал-демократическим архивам. Он, якобы, узнал, что марсиане вступили в контакт с Основоположником, когда тот писал «Капитал». Потом эти контакты не прерывались и перешли к господам русским большевикам. Богданова этот факт настолько поразил, что он отобразил его в своем романе. «Чеки» тогда еще не было, и его за разглашение тайны просто выкинули из партии. Через несколько лет Богданов погиб во время медицинского опыта. Так сказать, несчастный случай...

Келюс еще раз просмотрел какие-то пассажи письма и продолжил:

– После победы в октябре 17-го большевики, чтобы наладить сообщение с, так сказать, главной базой, начали подготовку космических, как тогда говорили, «эфирных», полетов. В самый разгар гражданской войны Вождем дал указание Цандеру и его товарищам готовить космическую технику. В двадцатые годы работа продолжалась, причем к ней подключили знаменитого философа-идеалиста Циолковского, который, оказывается, был контактером с юных лет...

– Кем был? – не поняла Ольга.

– Контактером – то есть, с марсианами являлся. Одновременно началась широкая пропаганда космических полетов. Пропагандировались такие опусы, как «Аэлита» графа Толстого, строились планетарии. Даже называли какую-то деревню «Марс»...

– А что, действительно называли?

– Вроде бы, – пожал плечами Келюс. – Кажется где-то под Ленинградом... То есть, Петроградом. Ну-с, а с середины 20-х с Марсом была установлена постоянная связь через базу марсиан на Тибете, в так называемой Шамбале, благодаря известному ныне Рериху. Кстати, эта связь поддерживается до сей поры через его сына. В конце 20-х правительством было получено послание от так называемых махатм, то есть, читай, марсиан, где обещалась всяческая поддержка всех большевистских начинаний... Кстати, Ольга, такое послание действительно было, только, конечно, не от марсиан... Ну, тут много всякого. Белые ламы из Шамбалы помогают Красной Армии... Ага, а вот про Антарктиду: оказывается, освоение Антарктиды было вызвано тем, что тамошние условия идеально соответствуют марсианским. Так сказать, плацдарм для высадки. А вот и схема... Главная база супостатов на Тибете, затем в Южной Америке... Это, похоже, Эквадор. Ну и запасная база в Крыму... Потому-де там проводят совещания и встречи со всякими союзниками. Столицу они, оказывается, контролируют через специальный излучатель. Вот так... В конце письма, естественно, просьба срочно спасать родную страну от жидо-марсианских козней и заодно выпустить автора из Кащенко. Подписи, кстати, нет, вырезана.

– Но ведь это неправда, Николай? – в голосе Ольги слышался испуг. – У нас большевиков называли по-разному, даже «слугами Антихриста». Но ведь этого не может быть!

– Думаю, марсиане тут ни при чем, – согласился Лунин. – Но, похоже, этот бедняга кое-что узнал – про излучатель в Столице, да и про Крым. В любом случае я ему почему-то не завижусь...

Внезапно он замолчал. Холодный порыв ветра ударил из раскрытого окна, дохнуло сыростью, влажным спертым воздухом, и на мгновение Келюсу вспомнились коридоры столичных катакомб. Форточка хлопнула, вновь растворилась, и вдруг что-то черное мелькнуло прямо перед лицом Николая. Летучая мышь, неведь каким образом попавшая в квартиру, метнулась прямо к столу, затем резко взмыла вверх, чуть не задев лицо Лунина, подлетела к Ольге, потом снова ушла вверх... Вновь хлопнула форточка, и все кончилось. Из приоткрытого окна вместо катакомбной сырости вновь струился теплый майский воздух, напоенный ароматом отцветающей сирени.

– Мерзость! – произнес, наконец, Келюс. – Откуда это она? Хорошо, еще, в волосы не вцепилась!..

– Заблудилась, – предположила Ольга самым спокойным тоном, но Келюс чувствовал, что девушке тоже не по себе. Он аккуратно сложил бумаги и спрятал их в стол. Охота читать странные документы полностью пропала.

На следующее утро, уходя на работу, Лунин как бы между прочим поинтересовался, умеет ли Ольга обращаться с оружием. Она, ничуть не удивившись, ответила утвердительно. С этого дня Николай стал оставлять ей браунинг.

С каждым днем настроение Николая портилось. Стало казаться, что на работу и с работы его сопровождают какие-то странные личности. Держались они на приличном расстоянии, и Келюс так и не смог понять, действительно ли началась слежка или просто шалит воображение. Пару раз, выглянув вечером с балкона, он замечал внизу странного мужчину в широкополой шляпе, который сидел на скамейке, выгуливая огромную черную собаку. Во дворе было полно собачников, но этого Николай видел впервые. В конце концов он не выдержал и поинтересовался мнением своего соседа – владельца красавицы-колли. Тот сказал, что странного собачника он прежде не видел, а вот собака у этого типа и вправду необычная. Во всяком случае, другие псы обходят ее десятой дорогой, даже те, которые не преминули бы в ином случае выяснить свои собачьи отношения.

Тревога Келюса не могла укрыться от Ольги, но на все вопросы Николай отвечал ссылками на производственные неприятности. Лунин понимал, что девушка ничем не сможет помочь, а тревожить ее раньше времени не хотелось.

Закончив работу с архивом, Келюс аккуратно упаковал папки в черный «дипломат», а затем целый вечер писал большое письмо, к которому приложил одну из архивных фотографий. Не доверяя своему почтовому ящику, он специально съездил после работы на Главпочтамт, бросив письмо там в расчете на то, что в сутолоке огромного зала на него не обратят внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.